

КОНСТАНТИН ГРАДОВ

ДАЛЬНЯЯ РАБОТА

КНИГА ПЕРВАЯ. ВОЛГА ЗА СПИНОЙ

Константин Градов Дальняя работа. Волга за спиной

<https://litres.ru/74390029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сталинград, осень сорок второго. Младший сержант Илья Берестов ведёт счёт не целям, а тому, что после его работы стало можно: прошли носильщики, срослась перебитая линия, вынесли раненого.

Его ремесло — не выстрел, а порядок. Две независимые опоры. Выход, пройденный ногами, а не глазами. Честная пустая строка там, где знания нет. Рядом наблюдатель Зимин, у которого есть право сказать «нет» — и тогда стрелок не стреляет и не спорит.

Военно-исторический роман о работе снайперской пары без легендарных дуэлей и личного счёта: о том, как процедура рождается из ошибок, чего она стоит в людях и как переживает тех, кто её придумал.

Содержание

Глава 1. Приказ на берег	4
Глава 2. Переправа	22
Глава 3. Высота	40
Глава 4. Вторая отметка	58
Глава 5. Чужой огонь	76
Глава 6. Открытый проход	95
Глава 7. Раньше времени	114
Глава 8. Новая линия	132
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Константин Градов

Дальняя работа.

Волга за спиной

Глава 1. Приказ на берег

Промоина за откосом была сухая и глубокая по грудь. Пахло гарью, хотя на этом берегу гореть было нечему: горело за водой и доставало сюда. Песок выбили до твёрдости, следов в нём стояло столько, что отдельного следа уже не прочесть, и все они шли в одну сторону — вниз, к воде.

Илья сидел у стенки и держал карту на колене, не разворачивая. Мимо, поверху, давно шли люди. Их не считали и не строили; они шли, пока было куда идти, и останавливались там, где останавливались передние.

— Берестов. К ротному.

Ветров сказал это сверху, не спускаясь, и пошёл дальше по краю промоины: звал он не одного Илью.

Малинин ждал у обрыва. Он был выше всех, кто стоял рядом, и не садился; вниз он тоже не спустился. Из левого нагрудного кармана Малинин достал лист, сложенный вчетверо, развернул его до половины и дальше разворачивать не стал.

— С девятнадцати ноль-ноль дивизия числится в шестьдесят второй армии, — сказал он. — Переправа ночью.

— Полком? — спросил Ветров.

— К пяти ноль-ноль на той стороне — не меньше двух полков.

— Мы в этих двух?

— Нет.

Малинин сложил лист по прежним сгибам, убрал в карман и застегнул карман.

— Первыми идут не мы. Мы — когда очередь.

Снизу, от воды, доносилось железо: что-то тащили и роняли, потом тащили снова. Звук повторялся так часто, что на него уже не оборачивались.

— Кто нам к берегу придан? — спросил Ветров.

— Никто. — Малинин сказал это без нажима, как говорят о том, что от них не зависит. — Людей мне не добавят, места у воды не прибавится. Что есть, с тем и пойдёте.

— Задача моя?

— Участок — от промоины до воды. Время — с темной. Результат — люди в очереди и целые. — Малинин повёл ладонью поперёк, отсекая всё остальное. — Так и доложите. Другого мне не докладываете.

Он посмотрел на Илью — коротко, как смотрят на исполнителя. Глаза у него были синие, и в уходящем свете они не потемнели вместе со всем прочим.

— Отделение ваше?

— Моё, товарищ старший лейтенант.

— Доведёте.

Малинин ушёл вдоль обрыва, не оглядываясь на них и не ускоряя шага. Ветров подождал, пока он отойдёт, и повернулся.

— Подымай людей. Ночью на ту сторону.

— Порядок какой?

— Такой: к воде и на ту сторону.

— Это не порядок, товарищ лейтенант.

Шрам над правой бровью у Ветрова был короткий и белый. Бровь поднялась, шрам остался на месте.

— Тогда назови сам. Исполнитель?

— Я.

— Срок?

— К полной темноте отделение под откосом, у второй промоины.

— Почему не раньше?

— Раньше — это стоять у воды. У воды нам стоять незачем.

— Точка сбора?

— Вторая промоина. Дам своим две приметы, чтобы нашли её без меня.

— Без тебя — это как?

— Это когда темно.

Ветров смотрел на него ещё немного, будто ждал, что Илья добавит про себя что-нибудь лишнее. Илья не добавил.

— А если у второй промоины будет занято?

— Тогда встану выше по откосу, приметы останутся те же.

Промоина — сбор. Приметы к ней выводят.

— Кто ведёт голову?

— Я. Замыкает Зимин.

— Кто вас вызовет к воде?

— Не знаю. Поэтому людей соберу заранее, а к воде поведу только по команде.

— Отставшие будут?

— Постараюсь, чтобы не было.

— Не старайся. Скажи, что сделаешь.

— Отставший идёт к промоине по приметам и ждёт там.

Забирать его буду я, а не взвод.

— Взвод и не пойдёт, — сказал Ветров. — Взводу некогда.

— Что взвод с этого имеет?

— Ночью вы нас не ищите, — сказал Илья. — И в проходе мы не стоим.

Ветров протянул руку. Илья отдал карту. Тот нашёл берег, повернул лист и загнул угол внутрь — всё, что было за водой, ушло под сгиб и легло изнанкой кверху.

— Сюда пока не смотри.

— Я и не смотрю.

— Смотришь. — Ветров вернул карту. — Все смотрят.

Ветров больше ничего не добавил. Он пошёл вдоль промоины дальше, а Илья остался с картой, у которой один угол теперь лежал не так, как остальные, и не давал ей склады-

ваться ровно. Илья прижал загнутый угол большим пальцем. Стоило отпустить, лист снова расходился на сгибе.

Илья раскрыл блокнот поперёк и записал подряд: участок, время, результат. Под ними — своё: вторая промоина, полная темнота, две приметы. Писать на колене было неудобно, буквы выходили крупнее, чем он хотел, и это было к лучшему: в темноте мелкое не читается.

Свет уходил быстро, и уходил он неровно — сначала со дна промоины, потом с песка, и дольше всего держался на воде.

* * *

Отделение сидело под откосом в отрытых наспех ямах, и ямы были плохие: неглубокие, с осыпающимся краем; Илья не стал их углублять, потому что углублять яму, из которой скоро выходить, — работа для спокойствия, а не для дела.

Винтовку он снял с плеча и положил поперёк колен; ремень был растянут. Под левой ключицей у Ильи оставался старый рубец, и ремень всё время находил его, будто был для этого сделан. Илья подтянул ремень, перекинул на другое плечо и проверил крепления. Затвор вынул, обтёр насухо и поставил обратно, слушая, как он идёт; ствол протёр, затем поднял винтовку к свету, которого уже почти не было, а по-настоящему проверял не глазом, а тем, как шла ветошь. Подсумки перевесил вперёд, чтобы не били по бедру на спуске.

Блокнот у него был маленький и раскрывался поперёк — так удобнее, когда пишешь стоя и держишь одной рукой. До

этого дня в нём стояли только его отметки: цифры, слово, иногда стрелка — где промерено, где сошлось, где не сошлось и почему; он никому его не показывал, потому что записи делались для себя и понятны были ему одному.

Он перевернул страницу и провёл поперёк неё черту: слева — примета, справа — время.

Карту он складывал не пополам, а гармошкой, узкими полосами, чтобы наружу выходил один рабочий кусок, а остальное лежало под ним. Так приучали на дорожной съёмке в Белоруссии: развернуть целиком было негде, стола не было, было колено, и карта должна была открываться по частям; руки помнили порядок сгибов лучше, чем он сам.

Илья прошёл вдоль своих, считая не людей, а руки и ремни: что у кого на себе, что придётся нести вдвоём, кто уже перекладывал вещмешок и кто не перекладывал ни разу. Один сидел с размотанной обмоткой и мотал её заново, торопясь; Илья постоял над ним, пока тот не домотал и не перемотал ещё раз, ровно. Другой спал сидя, уронив голову на мешок, и его Илья тронул за плечо.

— Не сейчас.

— Я на минуту.

— Не сейчас.

Илья присел у края ям.

— Что на себе — то и пойдёт. Всё, что придерживаете руками, перевесить сейчас. На спуске руки нужны.

— Товарищ младший сержант, а на той стороне что?

— Не знаю.

— Совсем не знаете?

— Совсем. — Илья не стал смягчать ответ. — Знаю участок до воды. Дальше начнётся, когда начнётся.

Спросивший помолчал и перевесил флягу с левого боку на правый, хотя ему этого не говорили.

Он взял у ближнего винтовку, не спрашивая, открыл затвор и увидел в нём песок.

— Сейчас сделаю.

— Не сейчас. Сначала это, потом всё остальное.

Боец сел на дно ямы и стал протирать; Илья пошёл дальше, а на обратном пути посмотрел ещё раз — теперь затвор был чистый.

Бойцы взялись за вещмешок с общим имуществом с двух концов, как носят по ровному, но Илья их развёл.

— На узкой тропе вдвоём за один конец не возьмётесь. Понесёт один. Другой идёт сзади порожняком и на середине меняет.

— А где середина?

— Где скажу. Кто берёт первым?

Назвали не сразу, и он дождался, пока назовут сами, а не пока назначит он.

Михаил сидел с краю, вытягивал из-под обмотки отрезок проволоки и гнул его, глядя не на проволоку, а на воду. Кончик левого мизинца у него был сломан давно и сросся коротким, и проволоку он держал остальными пальцами; седина у

висков в этом свете была заметнее, чем днём.

— Когда выходим? — спросил он.

— С темнотой.

— С какой темнотой? Когда стемнеет или когда скажут?

— Когда скажут.

— Тогда так и говори. — Михаил перегнул проволоку. —

«С темнотой» — это не время. Это самочувствие.

— Сбор — к полной темноте. Выход — после команды.

— Вот теперь одно с другим не спутать. — Он повернул проволоку и посмотрел вдоль неё, как смотрят вдоль рейки.

— А очередь у воды сколько стоит?

— Не знаю.

— Плохо. Стоять всегда дольше, чем идти.

Илья повернулся к ямам и подождал, пока замолчат.

— Слушать. Сбор — вторая промоина. Кто отстанет, ищет её по двум приметам, не по одной. Первая — кромка верха откоса там, где она становится ровной. Вторая — куст ниже, на срезе. У нужной промоины куст стоит прямо под концом ровной кромки.

— А если куст не под кромкой? — спросил кто-то из ямы.

— Значит, ты не там. Возвращаешься к верхней линии и ищешь куст заново.

— А если под ней?

— Стоишь. Дальше не идёшь и ждёшь.

— А если не видно ни кромки, ни куста?

— Тогда ты ушёл вниз. Поднимайся, пока не увидишь

ровную кромку.

Он заставил повторить; сначала называли один куст, без верхней кромки, а в темноте одна примета выведет не туда. Повторяли, пока каждый не назвал обе и связь между ними.

— Записал? — спросил Михаил.

— Записал.

— Покажи.

Илья повернул блокнот к нему; Михаил прочитал короткую запись и ещё немного смотрел на страницу.

— Понял.

Он снова перегнул проволоку и убрал её обратно под обмотку.

— Это зачем?

— Затем же, зачем тебе бумага.

— У тебя не написано.

— У меня согнуто. Бумага мокнет.

— Мокнет — это ты про воду?

— Это я про воду.

Илья не стал спрашивать, откуда у него такая уверенность насчёт того, что будет на воде, и дописал под порядком выхода ещё строку, жирно подчеркнув: приметы знает Зимин.

Илья сказал в сторону ям, не повышая голоса:

— Если меня не будет, приметы у Зимина. Спрашивать у него.

Ему не ответили; кто-то в яме перевернул мешок другой стороной и лёг обратно.

* * *

До них дошла команда подходить к воде.

К проходу шли не одни они. Сверху, от дороги, спускались чужие — не спеша, но плотно, и чем ближе к воде, тем плотнее.

Проход был один и шёл вниз от сборной промоины к воде. Справа его закрывал обрыв, слева — отвал, а между ними тянулась узкая тропа, вытоптанная до глины. Куст-примета оставался у верхнего входа; у нижнего выхода отвал кончался, и дальше до воды лежала открытая полоса песка. Люди вытягивались в проход сверху, а выходили внизу медленнее, чем входили.

Илья смотрел не на людей, а под них. Глина в проходе лежала неровно: у входа она была затёрта ровно, шагом, а ближе к середине начиналась толчея — набитая на месте, каблуками в одну ямку, вглубь, а не вперёд. Там вставали, и вставали не сегодня.

Он сверил набитую ямку в середине прохода с местом, где толпа застыла сейчас. Совпало.

Илья остановил своих у отвала и лёг рядом с Михаилом.

— Смотри на людей, — сказал Михаил. — Не на воду.

— Смотрю.

— Входят и встают. Наберётся столько, что не пройти, — и после этого прилетает.

— Через сколько после?

— Не через сколько. После.

— Ты по чему это взял?

— По стоянию. Считал не разрывы. Считал, сколько стоят перед тем, как прилетит. Разрывы врозь. Стояние всякий раз одно и то же.

Илья поднялся выше по откосу и лёг снова. Отсюда проход был виден весь — от куста у верхнего входа до конца отвала внизу; за ним открывалась песчаная полоса до уреза.

Он проверял не тропу, а то, откуда её видно с той стороны. Справа мешал обрыв, надёжно закрывавший её на всю длину. Слева стоял отвал, за ним — кусты. Открытым оставался один узкий створ, и приходился он ровно на то место, где люди вставали.

Одного положения ему было мало: с высоты всякая щель кажется шире, чем она есть. Илья спустился ниже отвала, лёг и посмотрел ту же тропу с другой точки. Створ не закрылся и не поехал в сторону. Он остался там же и той же ширины — значит, дело было не в том, откуда смотрит Илья, а в том, как стоят обрыв и отвал.

По месту выходило, что через узкий створ виден весь проход.

По времени — что огонь приходит не по часам. Илья лежал и считал про себя, не спрашивая Михаила, и ложилось неровно: то часто, то с долгим перерывом — дольше, чем требовалось для прохода. Если бы клали по часам, такого провала не было бы.

Он сполз обратно к отвалу и не стал выбирать из двух то,

что удобнее. После нижнего выхода можно было держаться у самой воды, но узкое место всё равно приходилось проходить.

— После разрыва войдём все разом. Выйдем — низом, у самой воды, — сказал он.

— Низом — согласен. Разом — нет.

— Почему?

— Потому что ты идёшь по их часам. — Михаил показал согнутой проволокой на тропу. — У них не часы. На разъезде состав пропускают не по расписанию, а когда путь свободен. Освободился — пошёл следующий. Тут наоборот: набилось — и прилетело.

— А если я ошибаюсь и это просто пристреляно? Тогда часы есть.

— Тогда ты всё равно не должен стоять в проходе. — Михаил не отвёл проволоку. — Если там человек, не даём ему скопления. Если место пристреляно заранее, не ждём на нём следующего разрыва. В любом случае стоять нельзя.

Илья ещё раз посмотрел на створ. За ним, на той стороне, мог сидеть человек и смотреть сюда, а мог не сидеть никто, и тропа могла быть пристреляна заранее, и тогда кладут по ней на звук и на скопление. Отсюда это не проверялось ничем: с этого берега человека за створом не увидишь, а по разрывам его не отличишь от заранее записанного рубежа. Но и то и другое требовало от него одного и того же, и дальше он думать не стал.

— Идём небольшими группами, — сказал он. — Между группами — не бегом, а шагом. Чтобы задним было видно, куда делись передние.

— Голову кто?

— Ты.

Михаил повернул голову.

— Ты Ветрову другое сказал.

— Сказал.

— Скажешь заново?

— Сам скажу.

— Скажи сегодня. Не завтра.

— Скажу сегодня.

Михаил помолчал, затем убрал проволоку.

— А ты где?

— Последним. Затор разбивают сзади. Спереди он не разбивается — спереди его только уговаривают.

— Считать выходящих?

— Считай. Кто вышел — у тебя. Кто не вышел — у меня.

— А если не выйдет никто?

— Тогда ты стоишь за концом отвала у нижнего выхода и назад не идёшь. Назад пойду я один.

— Это ты сейчас придумал?

— Это я сейчас решил.

Илья записал поперёк страницы порядок групп — кто за кем — и прочёл вслух. Заставил повторить и это. Один назвал себя не с теми, и Илья прочёл ещё раз, медленнее, а по-

том переспросил его отдельно.

* * *

Тропа впереди начала пустеть.

Пошли, когда проход заметно поредел.

Михаил повёл переднюю группу через проход и встал за концом отвала у нижнего выхода, лицом назад.

Следующая группа вошла в проход.

Из-за отвала в тропу втянулись чужие — сразу много и плотно, потому что оттуда, откуда они шли, их тоже кто-то торопил. Тропа встала.

— Не стоять, — сказал Илья в спину переднему. — Идти.

Боец не пошёл. Впереди стояли, и идти было некуда.

Прилетело левее, в отвал. Песок ударил сбоку и сверху, набился за воротник, и в рот попала глина. Следом легло ближе, у самой тропы. Проход рассыпался: люди пошли назад и вверх, на откос, потому что вверх — это не туда, куда падает.

Один из его пошёл со всеми, назад и вверх.

Илья взял его за ремень и развернул к себе. Тот рванулся. Илья держал.

— Верх откоса и куст! — сказал он ему в ухо. — Сойдутся — стой!

Тот перестал рваться и пошёл вниз, к воде, спотыкаясь, но вниз.

Илья толкнул в спину следующего. Потом ещё одного. Потом чужого, который сел на тропе и не вставал: этого он под-

нял под мышки, вывел со сбитой тропы, дальше тот пошёл сам.

Тропа освободилась рывком: поднятый боец пошёл, за ним сдвинулись остальные.

Он вышел из прохода последним, миновал конец отвала и увёл оставшихся ниже, к полосе песка у самой воды. Вода шла рядом, вровень с песком, не давала никакого звука и от этого казалась ближе, чем была.

У нижнего выхода стоял Михаил.

— Все, — сказал он.

— Точно все?

— Все. Я считал выходящих.

— Пересчитай ещё раз. Я считал входящих.

Михаил пересчитал. Сошлось.

— Долго вышло, — сказал Илья.

— Долго. Разом было бы быстрее.

— Разом мы бы сейчас сидели наверху, на откосе.

Михаил посмотрел туда, где ещё сидели ушедшие вверх чужие, и ничего не ответил.

— Мешок?

— Мешок остался в проходе. Наш.

Возвращаться Илья не стал. Он сунул руку за отворот и нашёл карту там, где она и была, — сложенная гармошкой, углом внутрь. Угол был на месте. Блокнот лежал под ней, и его он тоже нашёл, не вынимая.

Двое сидели на песке. Тот, кого он разворачивал за ре-

мень, стоял и смотрел на куст, будто ещё сверял.

— Совместились? — спросил Илья.

— Сошлись.

— Тогда садись.

От нижнего выхода к очереди вдоль уреза шли по одному. Очередь не двигалась, и было её не видно ни в начало, ни в конец: видно было только тех, кто ближе. Впереди уходили другие. Кто именно уходил, никто не называл, и спросить было не у кого.

В очереди не разговаривали. Всё, что можно было спросить, спрашивали в промоине; здесь стояли и ждали, когда позовут.

Кто-то впереди спросил, скоро ли. Ему не ответили — не потому, что не хотели, а потому, что отвечать было нечем. Вопрос прошёл по очереди назад, дошёл до них и дальше не пошёл.

Ветров нашёл их с той стороны, откуда его не ждали: он шёл вдоль очереди и считал головы.

— Докладывай.

— Участок пройден. Время — после полной темноты. Результат — отделение в очереди, целое.

— Всё?

— Вещмешок остался в проходе.

— Мешок — не участок, не время и не результат. — Ветров дошёл до конца их куска очереди и вернулся. — Голову вёл кто?

— Зимин.

— Ты говорил — ты.

— Говорил. Поменял перед проходом.

— Почему?

— Затор разбивают сзади.

Ветров не ответил сразу.

— В другой раз говори до того, как поменяешь.

— Не всегда выйдет.

— Тогда говори сразу после, а не когда я сам приду и спрошу. — Он кивнул на карман, где был блокнот. — Что там у тебя?

— Приметы. И порядок.

— На той стороне покажешь взводу. Не мне — взводу.

— Покажу.

Ветров пошёл дальше вдоль очереди, загибая на ходу угол своей карты внутрь; загибал он его не глядя, как застёгивают пуговицу.

Илья сел на песок и раскрыл блокнот. Страница была в песке. Он смахнул её ладонью, и обе приметы читались, только слово «куст» подтёрлось снизу; он обвёл его заново.

Ниже записал поперёк — коротко, крупно, как пишут то, что придётся читать в темноте и чужими руками: в проходе не стоять.

Потом повернул блокнот к Михаилу. Тот прочитал и кивнул, а спустя время достал проволоку и согнул её ещё раз.

Гарь здесь была гуще, чем в промоине, и держалась низко,

у самой воды.

Впереди, у уреза, начали считать людей. Очередь подалась вперёд на шаг, и Илья перекинул ремень винтовки на плечо.

Глава 2. Переправа

Было пять часов, и ничего не изменилось.

Илья знал только то, что было сказано вчера: к пяти на той стороне должно быть не меньше двух полков. Кто успел туда к пяти, отсюда не проверялось. Их очередь стояла на прежнем месте, подавалась вперёд короткими рывками и снова стояла, и всё, что можно было из этого вывести, — что они не первые. Это он знал и вчера.

Свет прибывал снизу, от воды. Сначала стало видно урез, потом песок под ногами, потом тот берег проступил узкой полосой, как бумага под карандашом.

Очередь подавалась и стояла. Впереди уходили; кто именно, отсюда не разбиралось — видно было спины, потом воду, дальше ничего. Обратно не шёл никто, и это ничего не значило: возвращаться было незачем.

Илья считал промежутки между подачами очереди. Они выходили разными и не складывались ни в расписание, ни в обещание.

— Что берёшь? — спросил Михаил.

— Верх стены. Чёрный, правее светлого.

— Высоко.

— Потому и беру. Видно с любого места.

— В дыму с любого места ничего не видно. — Михаил вытянул из-под обмотки проволоку и положил её поперёк

колена. — Дым идёт снизу и высокое съедает первым. Низ бери.

— Низ с воды не читается.

— С середины — нет. У берега только он и читается.

Илья посмотрел ещё раз. Чёрный верх стены стоял отдельно от всего и держался ровно; глаз ложился на него сам, без работы.

— Тогда две, — сказал он. — Верх стены — пока идём. Излом берега — когда подойдём.

— Излом какой?

— Где берег перестаёт быть ровным и уходит вниз. Другого такого на этом куске нет.

— Виден, пока по нему не положат.

— Под ним останется откос. Откос не убрать.

Михаил согнул проволоку и посмотрел вдоль неё, туда же.

Правее чёрного верха в стене стоял пролом. Он был светлее всего, что рядом: свет проходил насквозь, и было видно, что за ним есть ещё куда идти. Из воды к нему поднималась широкая пологая осыпь; лучшего подъёма на этом куске берега не было.

— Туда все и полезут, — сказал Михаил.

— И мы?

— Это ты скажешь.

— Скажу, когда подойдём.

Он повернулся к своим.

— Слушать. Ориентиров два. Первый — чёрный верх сте-

ны, вон он. Второй — излом берега, левее.

— Который левее? Там всё левее.

— Там, где ровное кончается и уходит вниз. Пока идём — держите верх. Не станет верха — держите излом.

— А если и излома не станет?

— Тогда держитесь того, кто рядом, и не лезьте на светлое.

Он велел показать пальцем. Справились не все и не сразу; несколько рук указали на светлое, потому что оно было заметнее всего. Илья поправил направление и заставил каждого удерживать чёрный верх.

— Светлое — не наше. Повтори.

— Светлое — не наше.

— Теперь все.

Повторили вразнобой, но повторили.

— Сколько идти? — спросил Михаил.

— Не знаю.

— Плохо. Считать нечем.

— Считай от подачи до подачи. Пойдём — сравнишь с тем, что насчитал.

Михаил согнул проволоку и оставил её согнутой.

Илья раскрыл блокнот и провёл от края страницы линию к воде. Чёрный верх стены лёг у дальнего конца, излом берега — ниже, там, где линия упиралась в урез. Между отметками он оставил чистое место: с воды ещё предстояло понять, где одна перестанет работать и придётся переходить на другую. Рядом записал коротко: светлый пролом не брать.

Он показал страницу Михаилу. Тот приложил проволоку к двум отметкам и сделал сгиб между ними. Сгиб ничего не измерял и направления не хранил; Михаил пометил им только порядок работы: сперва верх стены, после его исчезновения — излом. Илья оставил места на странице, Михаил — последовательность на проволоке.

* * *

Позвали не по фамилии и не по подразделению — рукой, вдоль очереди, и очередь пошла. Кто-то впереди заторопился, и его придержали за плечо, и он перестал торопиться.

На посадку пошли все, до кого дошёл жест; состав уже никто не разбирал. Илья следил за плавучим настилом под ногами, за мокрыми местами и за тем, насколько близко окажется вода.

— Только на себе! — крикнули спереди. — В руках не нести!

Кричали не им и не для них, но относилось это ко всем. Илья повернулся к своим.

— Что в руках — оставить здесь. Не бросать, а положить у откоса и запомнить где.

— А потом?

— Потом не будет. Забирать сюда никто не пойдёт.

Всё, что ещё не успели убрать на себя, легло на песок под откосом. Последний из замешкавшихся постоял над своей ношей и отошёл не сразу.

— Товарищ младший сержант, а если понадобится?

— Понадобится — обойдёмся.

— Оно ж целое.

— Пока целое. — Илья посмотрел на него и объяснять заново не стал. — Клади к откосу, запоминай место и иди.

Тот положил ношу, посмотрел на откос, перевёл взгляд к воде и вернулся к первой примете. Делал так, как ему говорили ночью. Илья это заметил и ничего не сказал.

— Зимин со мной, — сказал Илья. — Остальные — по вчерашнему порядку. Группа от группы не отходит. Если разведёт — держитесь того, кто рядом, а не того, кого ищете.

— А ориентир?

— Верх стены, чёрный. Правее него светлое — это не наше.

Он поднял голос для чужих, которые садились вместе с ними. Кто-то переспросил про светлое, и Илья ответил ему теми же словами.

Ударило где-то выше по берегу, за откосом, и в очереди присели все разом, а потом так же разом встали. Посадка от этого не остановилась и не ускорилась.

Следующий разрыв лёг ближе, правее посадки, у самого уреза. Очередь качнулась назад, и там, где она шла между откосом и водой, стало плотно.

Илья взял ближнего к себе за плечо и повернул его.

— Здесь не стоять. Проходи вперёд и садись.

— Там ещё не сели.

— Сядут. Проходи.

Он вывел своих из плотного места по очереди и вышел последним. То же самое он делал ночью, в проходе; здесь это заняло меньше времени, потому что место было короче.

Илья застегнул карман, где лежал блокнот, и переложил карту глубже, за отворот, углом внутрь.

Порядок, который он читал вслух на берегу, кончился почти сразу.

Сначала всё было как надо: свои сидели там, где он их посадил, Михаил был слева, чужие — впереди и сзади. Потом настил повело, кто-то переступил, чтобы удержаться, за ним двинулись остальные, и прежний порядок мест рассыпался.

Ударило по воде правее. Вода поднялась, опала и всей массой плеснула на настил. Стало мокро до колен. Кто-то поднялся.

— Сядь, — сказал Илья.

— Не могу.

— Сядь.

Тот сел. Илья держал его за ремень ещё немного, потом отпустил.

Чужие сидели вперемешку со своими, и разобрать, где кончаются одни и начинаются другие, было уже нельзя. Чужой спросил у Ильи, куда смотреть: на посадке голос Ильи звучал громче остальных.

— Чёрный верх стены.

— А светлое?

— Светлое не наше.

— Почему?

— Потому что туда пойдут все.

Чужой помедлил и повернулся к чёрному верху. Сидевшие рядом повернулись следом.

Илья держал в поле зрения только ближайших людей. дальше всё равно ничего не решал. Удерживал чёрный верх стены и Михаила; в эту минуту остального для него не было.

Верх стены стоял на месте. Потом его не стало.

Дым пошёл от берега низом, поднялся и одним движением закрыл всё выше линии воды, как задёргивают полог. Илья ждал просвета, но серое полотно не разошлось.

— Верха нет, — сказал он.

— Низ держи.

— Низ отсюда не читается.

Михаил промолчал. Возразить было нечем, и он это знал.

Некоторое время у Ильи не было ничего, и он не стал делать вид, что есть.

Потом он обернулся назад.

Тот берег, с которого шли, ещё читался: низкий, ровный, светлее воды, и на нём стояли откос и вырез промоины, из которой они вышли ночью. Илья выбрал вырез задней отметкой. Оборачиваясь через плечо, он каждый раз удерживал его прямо за собой. Пока задняя отметка держалась, передняя была не нужна.

— Ты назад смотришь, — сказал Михаил.

— Смотрю.

— А вперёд кто?

— Ты.

Михаил повернулся вперёд и больше не оборачивался.

Илья держал за спиной уже пройденный берег, Михаил искал впереди низкую отметку. Говорить требовалось, только если одна из привязок сместится, исчезнет или начнёт противоречить другой.

Держать заднюю отметку оказалось работой. Настил вело, и вырез промоины уходил у Ильи то вправо, то влево. С одного взгляда было не различить, сносит их или просто разворачивает.

Он взял вторым ориентиром ровный край откоса справа. Пока край ложился поперёк, всё было как надо. Когда он пошёл косо, Илья сказал об этом вслух.

— Ведёт.

— Куда?

— Вправо. К светлому.

Он сообщил о сносе Михаилу; сам повлиять на движение вперёд не мог. Оставалось замечать перемену, даже без возможности её исправить.

— Сильно ведёт?

— Пока нет. Скажу, когда станет сильно.

Опасным снос стал не сразу. Когда Илья назвал его таким, толку от предупреждения уже не было; Михаил только повернул голову вперёд и стал смотреть туда, где по его счёту должен был открыться берег. Берег показался позже, чем

обещал счёт.

Ударило ближе, слева. Настил поднялся и опустился, вода прошла поверху, и что-то из-под руки Ильи плеснуло в воду. Он не стал искать. Блокнот был застёгнут. Карта лежала за отворотом. Он коротко проверил обе вещи ладонью и вернул руку на ремень.

* * *

Впереди, за спиной Михаила, из дыма вышла тёмная полоса и не пропала.

— Берег, — сказал Михаил. — Светлую осыпь вижу.

— Излом там?

— Самого пока не вижу. Осыпь вокруг темнее. Свежая осыпь — где обвалилось. Обваливается на изломе.

Илья проверил сам. Излом ещё не разбирался; светлое пятно под тёмным уже стояло левее широкого пролома, куда шли все.

Форма берега и цвет осыпи указывали в одно место. Спорить дальше было не о чем.

Берег стал приближаться быстро. Передний край настила просел, но до суши ещё оставалась вода.

— Бросай! — крикнули спереди. — Наверх не втащишь!

Илья не стал повторять за чужим голосом. Он сказал своё:

— Оружие и то, что застёгнуто. Всё, что осталось в руках, — в воду и вперёд, не назад.

С настила вошли в воду с ходу. Дно ушло сразу, потом вернулось. Вода поднялась до груди, и одежда стала тяжёлой,

и от этого шаг сделался коротким и частым, как на осыпи. Винтовку он держал выше плеча и локтем прижимал ремень, чтобы не сползал.

Правее, у широкого светлого, из воды поднимались и шли вверх — там было мельче и там был подъём, и туда шли почти все, кто вышел рядом с ними.

— Не туда, — сказал Илья.

— Громче, — сказал Михаил.

— Не в пролом! — Он повернул голову назад, к своим. — Влево вдоль воды! Под откос!

Часть чужих всё-таки пошла вправо, к светлому. Останавливать их было нечем и некогда.

Слева, у самого откоса, кто-то оступился и ушёл с головой. Его подняли за ремень шедшие рядом, и он встал и пошёл дальше, держа винтовку так же высоко, как до падения.

— Не оборачиваться! Влево!

Дальше шли молча. Говорить в такой воде было незачем: своих слышно плохо, а чужих слышно всё равно не будет.

В пролом били повторно. Пока Илья шёл влево, подняло в самом проломе, потом на осыпи под ним. Промежуток оказался короче того, который Михаил считал у посадки.

— Считал? — спросил он Михаила, когда стало мельче.

— Считал.

— С посадкой сходится?

— Нет. Тут чаще.

— Тогда не расписание.

— Значит, смотрят.

— Или там просто виднее. Для нас разницы нет.

Под откосом было мельче и хуже: камень под ногой, вода до колена, идти боком. Зато сверху не было видно ничего, что там делается, и снизу тоже.

Он вышел на осыпь последним из тех, кого видел, и лёг на неё грудью, потому что стоять на ней было нельзя — она шла из-под ног вниз.

Ударило выше, в откос.

Сверху пошла земля.

* * *

Вода перестала быть слышной.

Она была рядом, подходила к камню и отходила. Звука не было. Было своё дыхание, слишком громкое и слишком близкое, будто оно шло из-под черепа.

Илья поднялся на колени. Осыпь под ним ползла.

— Наверх, — сказал он. — По одному.

Михаил повернулся и сказал что-то, и Илья увидел, как он это говорит, но не разобрал.

— Наверх. По одному.

— Ты уже сказал, — Михаил сказал это близко, в ухо, и на этот раз слова дошли. — Второй раз.

Илья кивнул. Полез за отворот, за блокнотом. Блокнота там не было. Он проверил ещё раз, потом вспомнил, что сам застегнул его в карман перед посадкой, и нашёл там, где положил. Руки повторили ненужную работу.

Наверху оказалась ступень: полоса, где осыпь кончалась и начиналась битая кладка. Дальше поднимался откос, и Илья туда не полез. То, что нужно было сделать, делалось здесь.

Они собирали тех, кто выходил.

Каждый дошедший сначала касался кладки рукой, будто проверял, держит ли она, потом искал знакомое лицо. Своих Илья принимал, едва узнавал у стены; чужим показывал общее место сбора. Отдельно держал в памяти тех, кого видел только на воде: пока человек сам не вышел или его не подтвердил Михаил, считать его дошедшим было нельзя. Мокрые следы на кирпиче смешивались сразу, и восстанавливать по ним чужой путь Илья не пытался.

Выходили не туда, куда шли, и не в том порядке, в каком садились. Некоторые выходили правее, из-под светлого, мокрые по грудь, и шли вдоль воды на голос. Илья ставил их к кладке и говорил каждому одно и то же: сесть, не подниматься, не уходить искать своих.

— Я своего видел, — сказал боец. — Он там остался, у воды.

— У какой воды?

— У той.

— Ты видел его на берегу или на воде?

Тот подумал.

— На воде.

— Значит, ты его не видел на берегу. Садись.

Он сказал это не резко, но и не мягко, и повторять не стал.

Выходили вразнобой. По походке различалось, кто шёл вдоль воды, а кто из-под светлого: последние шли быстрее и садились дольше.

Кто-то вышел без винтовки.

— Где?

— Уронил на входе. В воде.

— Глубоко?

— По грудь.

— Место помнишь?

— Помню.

— Тогда сиди. Пойдёшь за ней не сейчас и не один.

Илья записал винтовку отдельной строкой на полях, не смешивая её с учётом людей.

Вода к этому времени снова стала слышной — сначала как шорох под камнем, потом вся.

Михаил ходил вдоль кладки и считал, останавливаясь возле каждого, и проволоку он держал в руке, не сгибая.

— Твои — вот эти, — сказал он, вернувшись. — Я их видел сам, с воды и на берегу.

— А тех, кого только с воды?

— Тех я не считаю.

— Правильно.

Ветров нашёл их у кладки. Он был мокрый до плеча с одной стороны и сухой с другой, и шёл он снизу, от воды, а не сверху.

— Берестов. Сколько у тебя?

— Не скажу, товарищ лейтенант.

Ветров остановился.

— Как это не скажешь?

— Скажу, кого видел сам на этом берегу. Их вот столько.

— Илья показал на кладку, не считая вслух. — Остальных не видел. Пропавшими считать не могу и вышедшими тоже не могу.

— А предположить?

— Предположить могу. Только вы потом с этим пойдёте докладывать, а я вам предположение дал.

Ветров смотрел на него ровно столько, сколько смотрел вчера в промоине.

— Кто в пролом пошёл?

— Не наши. Из тех, кого я видел, — не наши.

— Точно?

— За тех, кого видел, точно. За остальных не отвечу.

— Кто у тебя старший, если тебя не станет?

— Зимин.

— Он знает?

— Знает со вчерашнего.

— Зимин. — Ветров сказал это, не поворачивая головы.

— Что знаешь?

— Приметы и порядок.

— Теперь ещё столбцы. Он принимает, ты проверяешь. Разойдётесь — каждый ведёт свой и потом сверите.

— Понял, — сказал Михаил.

— Оружие при людях?

— Не всё. Винтовка ушла в воду на входе. Человек помнит место.

— Достанете, когда станет можно. Сам не лезь и без прикрытия никого не пускай.

— Не пущу.

— По пролому клали?

— Клали. Пока шёл, подняло в самом проломе, потом ниже, на осыпи.

— Ровно клали?

— Видел мало. Ровного счёта нет.

Ветров повернул голову и посмотрел вправо, туда, где над водой стояло светлое. Смотрел он недолго.

— Раздели страницу, — сказал он. — Слева — кого принял ты. Справа — кого подтвердил сам Зимин. Расхождение догадкой не закрывай.

— Не закрою.

— До десяти тридцати стоишь здесь и принимаешь, кто выйдет. Кто выйдет — вносишь слева. Дальше доложишь снова.

— Понял.

— Имущество?

— Часть оставили на том берегу под откосом. Часть ушла в воду на подходе.

— Какая часть?

— Та, что несли в руках. Что было застёгнуто — при нас.

Ветров не стал спрашивать, что именно. Он загнул угол своей карты внутрь, хотя карту не разворачивал, и пошёл вдоль кладки. На этот раз просто глядел в лица.

Илья сел на камень, вынул блокнот и раскрыл его поперёк.

Страница была сухая: карман держал. Илья провёл черту сверху вниз и оставил по обе стороны место для независимых записей.

Слева он записал тех, кого принял сам. Справа — тех, кого Михаил видел и на воде, и у кладки. Некоторые строки совпали; другие остались только с одной стороны. Илья не стал сводить их в общее число.

Он посмотрел на страницу и не стал её переделывать.

Михаил сел рядом, вытянул ноги и начал выливать воду из обуви. Делал это долго, будто там было чему кончиться.

— Верх стены, — сказал он.

— Что верх стены?

— Нет его. Я смотрел, когда вылезли. На месте, где он стоял, теперь ровно.

Илья повернулся и посмотрел сам. Он смотрел дольше, чем нужно, чтобы убедиться.

— Значит, ты был прав.

— Я был прав насчёт дыма. Насчёт стены я угадал.

— Разница есть?

— Есть, — сказал Михаил. — Одно можно повторить, другое нельзя.

Илья вернулся к блокноту и дописал под чертой, поперёк,

крупно: заднюю отметку брать сразу, не когда потеряешь переднюю.

— Покажи, — сказал Михаил.

Илья повернул блокнот. Михаил прочитал и указал на строку, которая была только справа.

— В левый не перенесёшь?

— Пока сам не подтвердил.

— А если не подтвердишь?

— Тогда останется твоим наблюдением.

Михаил взял проволоку и добавил новый сгиб отдельно от ночной отметки.

Снизу поднялся чужой и спросил, где здесь его. Илья сказал, что не знает, и показал вдоль кладки, туда, где сидели все. Тот пошёл и сел с краю.

Он сел к ближайшим. К этому часу иначе на кладке уже никто не садился.

Снизу, от воды, вышел ещё человек, мокрый по грудь, и остановился, не зная, к кому идти. Илья поднял руку. Тот пошёл на руку.

— Свой? — спросил Михаил.

— Свой.

Илья внёс его в левый столбец. Михаил поставил ту же отметку напротив в правом столбце, и черта от этого не сдвинулась.

Сверху, по откосу, спускался человек. Он не оглядывался и не выбирал, куда ставить ногу, и шёл прямо к Ветрову.

Человек наклонился к Ветрову, сказал коротко и показал вверх. Ветров выслушал, посмотрел на кладку и подозвал Илью.

— Полного сбора не ждём. Берёшь тех, кого принял, и ведёшь к высоте сто два ноль.

— А те, кто выйдет после?

— Их примут здесь. Твой порядок передашь тому, кто останется.

— Зимин идёт со мной.

— Идёт. Проверку не дели.

Илья повернул блокнот к Михаилу. Тот прочитал обе стороны страницы и передал порядок бойцу у кладки: кого сажать к своим, что не сводить догадкой и где искать запись о винтовке. Илья дождался, пока тот повторит.

Только после этого он закрыл блокнот. Правый столбец не исчез, люди в нём не стали пропавшими, а возвращаться к воде за ответом было уже некогда. Михаил встал рядом. Они повели подтверждённых вверх, к новой работе.

Глава 3. Высота

К одиннадцати они стояли уже не у воды.

От двора, в который их привели, остались обрывки стен и вытянутая поперёк полоса битого кирпича. За полосой начинался долгий ровный подъём. Выше на нём темнели разрозненные куски кладки; издали они сливались в одну линию.

Илья сверил своих взглядом, не вслух. От кладки у воды до этого двора к принятым им людям никто не прибавился и никто не отстал; блокнот оставался закрытым.

Люди сидели у стены и не разговаривали. Со вчерашнего они спали столько, сколько спали, и это было видно по тому, как они садились: садились сразу, где стояли, и места не выбирали.

— Товарищ младший сержант.

— Что?

— Тех, кто не вышел, искать будут?

— Их принимают на берегу. Не мы.

— А если они там?

— Тогда их примут там. — Илья сказал это ровно, не смягчая. — У меня два столбца: кого принял я и кого подтвердил Зимин. Веду принятых, как приказал Ветров. Расхождения остаются в записи.

Ветров пришёл со стороны подъёма и присел у стены.

— Высота сто два ноль, — сказал он и показал подбород-

ком выше кладки. — Туда идём. Не сегодня.

— А сегодня?

— Сегодня вон то.

За полосой кирпича, у дальней стены, в неглубокой яме лежал раненый. Отсюда видно было плечо и локоть, и то, что локоть время от времени менял положение.

— Кто с ним?

— Никого. Носильщики уже ходили и вернулись без него.

— Побиты?

— Вернулись. За стеной им помогли.

Илья посмотрел на полосу. Она была шириной в короткий бег и вся открыта сверху: ни ямы, ни выступа, ни куска стены поперёк.

— Пробовали повторно?

— Пробовали.

— На том же месте?

— Шли серединой, огонь пришёл у краёв.

— По одному месту или по разным?

Ветров помолчал.

— Не скажу. Я смотрел на людей, а не на землю.

— Тогда я посмотрю на землю.

— Смотри. — Ветров загнул угол карты внутрь, хотя карту не разворачивал. — К исходу дня рота уходит вперёд. Кого не вынесем до движения, того нести будет некому.

— Исполнитель — я.

— Срок?

— Скажу, когда пойму, отчего быют. Раньше срока называть не буду.

— Раньше срока и не называй. — Ветров встал. — Только помни: срок не мой. Срок — рота.

Он ушёл вдоль стены, пригнувшись там, где стена была ниже.

Илья лёг у края полосы и стал смотреть не наверх, а под себя.

Кирпич лежал ровным слоем, кроме отдельных пятен у краёв. Там его вывернуло светлой стороной вверх. Между пятнами, в середине полосы, кирпич оставался серым и слежавшимся.

— Били не по всей полосе, — сказал он.

Михаил лёг рядом и вытянул проволоку.

— По краям?

— У нашей стены и у дальней. Середина цела.

— Значит, били по людям, а не по полосе. Люди на полосе не стоят, они по ней бегут. Куда бежали, туда и клали.

— И на всякого бежавшего?

— Вот этого я не знаю.

Илья пополз влево вдоль стены, до самого конца, и посмотрел оттуда. Путь через полосу отсюда был прямее, но ради него пришлось бы раньше выйти из-за стены.

— Носильщики шли серединой? — спросил он, вернувшись.

— Я не видел.

— Спроси у того, кто дошёл.

Михаил ушёл и вернулся не скоро.

— Шли серединой. Вернувшийся говорит: так быстрее.

— Быстрее, — сказал Илья. — И виднее.

— Ты уже знаешь, отчего бьют? — спросил Михаил.

— Нет. Знаю, где не били.

— Это меньше.

— Это вернее.

Он прошёл глазом по полосе ещё раз, от края до края. Разрывы лежали раздельно у стен. Заранее взятый рубеж выглядел бы иначе: поперёк пути осталась бы полоса попаданий.

Он лежал ещё какое-то время и смотрел на кладку выше подъёма. Кладка была одна, а проёмов в ней много, и все они были одинаково чёрные.

— Носильщики снова пойдут, — сказал Михаил.

— Кто?

— Носильщики. Им сказано вынести.

— Скажи им — не сейчас.

— Не мои люди.

— Тогда я скажу.

Он не успел.

Носильщики вышли из-за их стены и пошли серединой. Двигались неудобным ходом людей, которые несут пустые носилки и готовятся возвращаться с тяжестью.

Илья посмотрел на них, потом на кладку, потом снова на них, и стал считать про себя.

Он успел отметить момент, когда они миновали середину, и прилетело.

Разрывы легли у дальней стены, впереди и позади носильщиков. Они прижались к кирпичу. Пыль поднялась, постояла и села обратно.

— Назад! — крикнули от стены за спиной Ильи. — Назад, назад!

Они поползли назад, к своему краю, и ползли долго, и в них больше не били.

Илья не прекратил счёт, когда носильщики легли. Он довёл его до их стены и отметил другое: после сорванного движения огонь не повторился. Это ещё не объясняло, кто смотрел сверху, зато отделяло открытый ход от лежащих на кирпиче людей. Противник ответил на движение через середину и перестал отвечать, когда движение распалось.

— Сходится? — спросил Илья.

— С рассказом вернувшегося, — сказал Михаил. Он держал проволоку двумя пальцами и не сгибал её. — Огонь пришёл после середины. Сейчас я считал сам.

— Его рассказ и твой счёт — разные опоры.

— Потому и не складываю их в одну.

— Больше носильщиков для проверки не пушу.

— У тебя есть момент ответа.

— Есть момент и места разрывов, — сказал Илья. — Источника пока нет.

* * *

Он отполз от края полосы и двинулся за своей стеной вправо, к завалу. Оттуда были видны вся полоса и яма с раненым.

Илья лёг за кирпичом и совместил край полосы, яму и верхнюю кладку в одну линию. Он искал проём, из которого можно было держать путь носильщиков от их стены до ямы и обратно.

Часть проёмов закрывалась собственной стеной, часть смотрела поперёк. С завала это различалось плохо: каждому открывался отдельный кусок пути.

Он полежал так, не двигаясь, затем вернулся за стену и перешёл к другому её краю. Полоса оставалась перед ним; на открытую середину Илья не выходил.

С нового места он снова провёл взгляд от своего края к яме. Проёмы, которые смотрели поперёк, сместились относительно пути. Левый остался на продолжении полосы.

Илья прижал к кирпичу край блокнота и проверил линию ещё раз, уже от ближнего следа разрыва к дальней стене.

Поперечные проёмы давали только куски маршрута. Отдельный левый смотрел вдоль него, от их стены до ямы.

На чистом краю страницы Илья поставил отметки своей стены и ямы. От каждой закрытой точки, где только что лежал, он провёл линию к верхней кладке. Линии сошлись у левого проёма. Илья прикрыл страницу ладонью, ещё раз сверил её с местностью и убрал блокнот: на бумаге появилось место, но человека в нём пока не было.

Он лёг ниже и посмотрел от края, где кирпич был вывернут светлой стороной.

Проём стоял ровно на линии. Только оттуда читалась вся открытая часть пути между стенами.

— Нашёл? — Михаил подполз сзади.

— Левый проём. Остальные смотрят поперёк.

— Ты его видел?

— Я видел, что только он держит всю полосу.

— Это не одно и то же.

— Не одно.

Они лежали и смотрели. Проём был чёрный, как остальные, и ничего в нём не менялось.

Потом изменилось.

Чернота в левом проёме на короткое время стала неровной: внизу что-то отделилось от края и снова слилось с ним. Это заняло меньше, чем нужно, чтобы сказать слово.

— Видел? — сказал Илья.

— Видел.

— Что видел?

— Видел, что стало светлее и снова стало темно.

— Это он.

— Это один раз, — сказал Михаил. — Один раз я не подтверждаю. Мало ли что там осыпается.

— Осыпается ровно?

— Осыпается по-разному. Потому и жду второго.

— А если второго не будет?

— Тогда ты стреляешь без меня, — сказал Михаил и повернул голову. — И это тоже можно. Только тогда так и говори Ветрову: без второго.

Илья не ответил. Он открыл в блокноте новую страницу и записал: левый проём, первое появление. Ниже оставил место для независимого повторения.

* * *

Позицию он выбирал долго, потому что выбирать было почти не из чего.

С завала стрелять было нельзя: он поднимался выше стены, и любое движение на нём открывалось со стороны кладки. У стены проём читался хуже, зато оставался в узком постоянном промежутке между кирпичными зубцами.

Он лёг за зубцами, устроил левую руку на кирпич и подтянул ремень так, чтобы тот не тянул плечо вниз. Ремень лёг на рубец под ключицей. Илья чуть сдвинул его и оставил.

Мушка закрывала часть проёма.

Он посмотрел на это, отвёл винтовку и посмотрел на проём глазом, без винтовки. Проём был больше мушки. Но мушка была та, что есть.

— Плохо? — спросил Михаил.

— Не хорошо.

Он отвёл затвор, убедился, что в нём нет песка, и закрыл. После этого оружие больше не трогал.

— Сколько у тебя? — спросил Михаил.

— Хватит.

— Я не про это.

— Выстрел отсюда один. Не даст окна — второго всё равно не будет: место уже раскрою.

Илья положил винтовку и стал ждать, сохраняя положение локтя и ремня. Перед самой работой двигать их было уже поздно.

Ветров пришёл к ним за стеной, лёг рядом и долго ничего не спрашивал.

— Нашёл?

— Проём. Левый.

— Точно он?

— Один раз видел движение. Второго не было.

— И что теперь?

— Жду второго.

— До выхода роты?

— Если второго не будет, пойдём без выстрела и понесём краем. Дольше и хуже, но раненого здесь не оставим.

Ветров помолчал.

— Кому нужен выстрел?

— Носильщикам.

— Мне нужен ответ длиннее.

— Носильщикам нужен путь к яме и обратно, — сказал Илья. — Между ними будет раненый. Если тот, в проёме, видит полосу, он держит весь их путь. Выстрел нужен только для этого окна.

— Почему только это окно?

— После выстрела место станет известно. Отсюда меня начнут искать, и повторно работать здесь я не смогу.

— Значит, выстрел открывает путь и стоит позиции.

— Так.

— Позиция чья?

— Моя.

— Позиция не твоя, — сказал Ветров. — Позиция взводу тоже нужна. Отсюда полоса видна.

— Тогда взводу придётся смотреть с другого места. Я его найду, но не сегодня.

Ветров смотрел вдоль стены, туда, где кончалась их кладка.

— Ладно, — сказал он. — Носильщиков держу здесь. Пойдут по твоему слову, не раньше. Скажешь — пойдут сразу, без сборов.

— Пусть лежат с той стороны стены и смотрят на меня. Кричать я не буду.

— На что смотреть?

— На руку. Подниму — идут. Не подниму — лежат хоть до темноты.

— А если тебя не станет?

— Тогда на Зимина. Рука та же.

Ветров ушёл.

Носильщики перешли за стену и легли цепочкой: ближний видел руку Ильи, остальные — знак перед собой.

Край пустых носилок лёг на кирпич и больше не двигался.

Ближний носильщик устроился так, чтобы видеть ладонь над зубцами, и проверил, видят ли его дальше вдоль стены.

— Руку увидишь? — спросил Илья.

— Увижу.

— Знак передашь?

— Передам.

После этого никто из них не спрашивал о сроке. За спиной у Ильи то приближались, то отходили шаги движущейся роты; носилки оставались у стены. Он держал винтовку в прежнем положении и ждал признака, ради которого можно было потратить позицию.

Свет за это время сдвинулся слева направо и добрался до кладки. У левого проёма проступил нижний край: обломанный, неровный. На нём лежало что-то тёмное и прямое, чего на таком крае лежать не должно.

— Смотри на нижний край, — сказал Илья.

— Смотрю.

— Ровное там?

— Ровное, — сказал Михаил не сразу. — По одному краю я бы сказал, что это тень.

— А теперь?

— Свет идёт сбоку. Тень должна лежать иначе.

Они ждали.

Илья чередовал проём с пустым склоном: при долгом взгляде чернота начинала двигаться сама. Ошибка стоила единственной позиции, с которой читалась вся полоса.

Тёмное на нижнем крае сдвинулось.

Оно сдвинулось не так, как сдвигается тень: тень уходит вся, а это ушло только частью и вернулось на прежнее место, чуть иначе.

— Второй, — сказал Михаил. — Подтверждаю.

— Он?

— Он. То же место, тот же край. И движение поперёк, не вдоль.

Илья лёг плотнее и взял мушку в прорезь.

Он не стал ловить движение. Ловить движение — это стрелять туда, где человека уже нет. Нижний край проёма оставался постоянной опорой; Илья подвёл мушку к месту, где появлялось тёмное, и стал ждать, сохраняя дыхание ровным.

Тёмное поднялось.

Выстрел ударил в плечо. Пороховой дым пошёл вперёд и вбок, на короткое время закрыв проём.

Когда дым отошёл, проём был чёрный и ровный. Нижний край был обломанный и пустой.

— Есть? — спросил Михаил.

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Так. Мушка закрывала часть проёма. Что там сейчас — не вижу. Вижу, что ровного на краю нет.

— Это уже что-то.

— Это не то, о чём ты спрашивал.

* * *

Он не стал смотреть дальше. Смотреть было некогда.
— Пошли, — сказал Илья и поднял руку над стеной.

Ближний носильщик повторил знак. За стеной поднялся край носилок, затем люди один за другим вышли на кирпич. Когда последний покинул укрытие, Илья опустил ладонь и снова прижал щеку к прикладу. Команда уже шла без него, от человека к человеку.

Носильщики пошли серединой: прямой путь оставлял их на открытом месте меньше времени.

Илья смотрел не на них. Он смотрел на проём и считал.

Он досчитал до того места, где в прошлый раз прилетало, и ничего не прилетело.

Он не остановился на этой отметке. Тишина до середины означала лишь, что прежний ответ запаздывает или не придёт; путь заканчивался у своей стены, а не там, где хотелось поверить в удачу. В нижнем краю зрения двигались носилки, но мушку Илья держал под пустым проёмом.

Носильщики дошли до ямы, легли, и там стало не видно, что они делают. Потом поднялись с раненым и пошли обратно тем же следом.

Сперва над краем ямы показалась ткань носилок, потом руки. Локоть раненого, который до этого то исчезал, то снова возникал у кирпича, теперь двигался вместе с ними. Носильщики развернули груз в укрытии и вышли на обратный путь без остановки. Их ход стал тяжелее, но линия осталась

прежней.

Илья продолжал считать. На обратном ходу счёт был длиннее, и он дошёл до конца счёта, и снова ничего.

— Прошли, — сказал Михаил.

Они прошли. За их стеной носильщиков приняли и сразу увели. Раненый по дороге сказал что-то короткое, и на это никто не ответил.

Проходивший носильщик оглядел их стену, но взгляда на зубцах Илья не задержал. Илья не стал показываться.

Тогда прилетело.

Огонь пошёл по завалу справа, где Илья раньше проверял линию, затем приблизился к их кладке. С зубцов посыпалась кирпичная крошка, и Илья вжался лицом в локоть.

Полосу при этом не тронуло. Пыль сперва встала над завалом, где Илья лежал во время проверки. Потом кирпичная крошка взвилась между завалом и их зубцами. Ответ шёл по местам наблюдения. Ждать, пока он дойдёт до самой позиции, означало оставить противнику неподвижную цель.

— Уходим, — сказал он.

— Отсюда?

— Отсюда. Огонь идёт от завала к нам.

Они отползли вдоль стены до низкого места и перевалились через него. Илья тащил винтовку за ремень, чтобы не поднимать силуэт над кладкой.

Когда они были за стеной, по прежним зубцам продолжали бить.

Из нового укрытия Илья видел только ближний край полосы. Яма и левый проём исчезли за кладкой; проверить, что осталось наверху, отсюда было невозможно. Окно для носильщиков уже закрылось вместе с позицией, и возвращаться ради ещё одного взгляда он не стал.

— Позиции нет, — сказал Михаил, когда стало тише.

— Нет.

— Другую найдёшь?

— Не сегодня.

— А завтра?

— Завтра сюда не вернусь. Другую позицию придётся искать уже в движении.

Илья сел спиной к стене и открыл блокнот. Руки шли ровно, только страницу он перевернул не ту и вернулся назад.

На новой странице он записал: носильщики прошли к яме и вернулись; огонь по полосе не открылся. Ниже добавил: левый проём пуст после выстрела; попал или ушёл — не знаю.

Он перечитал запись. Переделывать не стал.

Рота растянулась вперёд, и их группа пошла ближе к хвосту.

Шли по нижней стороне подъёма, где кладка закрывала сверху. Илья держался так, чтобы видеть голову и хвост, и останавливал группу на поворотах, когда передние уже лежали, а задние продолжали напирать.

Малинин ждал их за поворотом, у стены, и не садился. Под низкой кладкой ему приходилось стоять пригнувшись.

— Берестов.

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Участок?

— Полоса битого кирпича между стенами, ниже кладки.

— Время?

— С нашего прихода до выхода роты. Точнее не скажу — я на часы не смотрел, я считал ответ.

— Результат?

— Носильщики прошли туда и обратно. Раненый вынесен и передан за стеной. Огня по полосе на проходе не было.

Малинин достал из левого нагрудного кармана сложенный вчетверо лист, развернул его до половины и посмотрел не на Илью, а в лист.

— Почему не было?

— Не знаю точно. До выстрела движение в левом проёме повторилось. После выстрела нижний край пуст.

— Стрелял кто?

— Я.

— Сколько раз?

— Один.

— Попал?

— Не могу сказать.

Малинин поднял глаза.

— Не можете или не хотите?

— Не могу, товарищ старший лейтенант. Мушка закрывала часть проёма. Я видел, что край опустел. Что человек

убит, я не видел.

— Значит, попадания в докладе нет, — сказал Малинин.

— Нет.

Он сложил лист по прежним сгибам и убрал его в карман.

— Цена?

— Позиция. С неё полоса была видна вся. Теперь по ней кладут, и туда никто не сядет.

— Взводу это надо?

— Надо. Я скажу лейтенанту, где искать другую, когда найду.

— Найдёте — скажете обоим.

— Люди ваши все при вас?

— Со мной те, кого я принял у кладки.

— А расхождения между столбцами?

— Остались в записи. Догадкой их не сводили и потерями не называли.

— Так и докладывайте.

Малинин пошёл вдоль колонны, и там, где колонна стояла плотно, он говорил одно слово, и колонна раздвигалась.

Ветров подошёл, когда его уже не было.

— Как ты его нашёл?

— Проверил линию с краёв нашей стены. Только от левого проёма она шла вдоль всей полосы, остальные уходили поперёк.

Ветров молчал.

— Самого человека ты тогда не видел, — сказал он нако-

нец.

— Нет.

— Ты нашёл место, которое держало проход.

— Я его нашёл и потом ждал, пока он покажется дважды.

Один раз — не считается.

— Это Зимин так говорит?

— Это мы оба так говорим. Он раньше начал.

Ветров посмотрел вдоль колонны, туда, где под кладкой уже шли следующие.

— Пока ходишь с отделением, — сказал он. — Ничего другого пока нет.

— Понял.

— И вот что. — Ветров загнул угол карты внутрь и не разогнул. — Завтра пойдём дальше. Мне нужно знать не куда идти, а что нам мешает идти. Ты сегодня это делал для одной полосы.

— Делал.

— Подумай, как это записывать, чтобы читал не только ты.

Он не стал ждать ответа и пошёл вперёд, к голове колонны.

Илья шёл и держал в руке блокнот, не открывая его. Ремень тянул плечо на рубец; Илья снова сдвинул его в сторону.

Впереди, выше кладки, темнел подъём. Проёмы на нём снова стали одинаково чёрными, как утром.

Глава 4. Вторая отметка

В половине шестого было ещё не видно, а слышно было хорошо.

Илья лежал у низкой стены и ждал света. Серое пятно разрасталось сверху и справа. Сначала открылся край крыши за подъёмом, в стороне заводского района, затем сам подъём и вчерашняя кладка на нём.

Кладки на нём не было.

Он смотрел на это место дольше, чем нужно, чтобы убедиться, и всё равно посмотрел ещё раз, потому что глаз в такой час подставляет то, что запомнил вчера.

Вчера куски дома замыкали край подъёма. Теперь их порядок сломался: средняя часть осела и легла вперёд, а там, где чернели проёмы, лежала осыпь. Левее открылось то, чего прежде не было видно совсем: ровное, тёмное, длинное — не проём, а промежуток между обломками.

— Ветров идёт, — сказал Михаил снизу.

Ветров пришёл и лёг рядом, не спрашивая, что видно.

— Ночью работали и по ним, и по нам, — сказал он. — Тебе от этого лучше или хуже?

— Пока не знаю.

— Узнавай. Носильщики понесут боеприпас вон туда. — Он показал подбородком вправо и вперёд, где между завалами лежала открытая полоса, длиннее вчерашней, и уходила

она под уклон. — Понесут гружёными и вернутся порожняком. Гружёный ходит хуже.

— Кто назначил маршрут?

— Никто. Другого сейчас нет.

Илья посмотрел на полосу. Она шла наискось, от их завала к дальнему, и на середине немного проваливалась — там был неглубокий прогиб, и в прогибе стоял мусор.

— Срок?

— К четырнадцати боеприпас должен быть там. — Ветров загнул угол карты внутрь. — И вот ещё что. Мне не нужно, чтобы ты нарисовал мне всё, что нас видит. Мне нужно одно окно и человек, который за него отвечает.

— Понял.

— Кто отвечает?

— Я.

— Тогда работай.

Ветров ушёл, а Илья остался лежать и смотреть.

Вчера он завершил такую работу перед отходом с утраченной позиции. Сегодня прежняя страница кончалась короткой чертой рядом с обвалом: кладки, по которой он сверял линии, больше не существовало.

Он вынул блокнот, раскрыл его поперёк и обозначил наискось края полосы. Отметил начало, прогиб и дальний край. Потом нанёс проёмы и промежутки, из которых открывались разные части пути.

Работа была простая и небыстрая. Он переползал вдоль

стены и с каждого нового места смотрел на полосу и на то, что над ней; там, где кусок полосы закрывался обломком, он отмечал закрытое; там, где открывался, — открытое. Иногда край обломка будто смещался вместе с Ильёй: значит, мешал его собственный угол. Неподвижная граница оставалась на месте при переползании, и только её он переносил на страницу как преграду.

В одном месте он полез дальше, чем следовало: чтобы увидеть прогиб сбоку, пришлось чуть выйти из-за угла стены. Илья посмотрел, вернулся и некоторое время ничего не записывал. Пока дыхание толкало блокнот под грудью, рука могла прибавить к увиденному то, чего там не было.

Своих он к этой работе не звал. Их дело было сидеть за стеной и не показываться. Кто успел уснуть, спал сидя, боком, не сняв ремня.

Когда стало достаточно светло, у него на странице стояла схема.

Из неё выходило, что вся полоса целиком открывается из того самого тёмного промежутка левее осыпи, который открылся ночью. Всё остальное давало куски: начало без конца, конец без начала, прогиб без обоих концов.

Он посмотрел на схему и не стал сразу нести её Ветрову.

* * *

— Готово? — спросил Михаил.

— Готово.

— Покажи.

Илья повернул блокнот. Михаил долго сверял страницу с подъёмом, возвращаясь взглядом к каждой линии.

— Где вторая отметка? — сказал он.

— Что?

— Ты вчера мне сам говорил: одного положения мало, ты потому и ложился дважды. Здесь у тебя одно.

— Здесь у меня все места вдоль стены. Я каждую линию прошёл сам.

— Сколько бы ни было мест, глаз всё равно один. Твой. Ты смотрел на одно и то же одним способом и получал один вывод. — Михаил сказал это без нажима, как говорят о вещи, которую можно проверить. — Я про другое.

— Про что?

— Про время.

Илья закрыл блокнот и положил ладонь сверху.

— Время — не отметка. Время не стоит на месте.

— Стена тоже не стоит. Она ночью легла.

— Схема сделана не на стене, — сказал Илья. — Схема сделана на том, что откуда видно. Стена легла — я пересчитал заново. Там нет линии, которую я не прошёл сам.

— Верю.

— Тогда что не так?

— То, что ты проверял глазом глаз. — Михаил показал сначала на свои глаза, потом на подъём. — Ты смотрел отсюда туда и решил, что оттуда сюда так же. Для линии это верно. Для человека не всегда.

— Человек смотрит по линии.

— Человек смотрит, когда смотрит.

На это Илья не ответил.

Михаил сел ниже, за стену, вытянул из-под обмотки проволоку и расправил её на блокноте. Проволока не хранила прежние замеры сама — она удерживала одинаковый темп. Перед каждым наблюдением Михаил распрямлял рабочий конец и зажимал его сломанным мизинцем: это был ноль, момент движения на полосе. Другой рукой он через равные удары счёта загибал проволоку. Начало огня отмечал сгибом наружу, конец — обратно; после этого продолжал до своего длинного контрольного предела. Места и получившиеся границы он держал в порядке пути, а теперь мог отдать их Илье в запись.

— Я считал, пока ты строил схему, — сказал он. — И раньше считал, когда по полосе уже ходили.

— Что считаешь?

— Сколько от движения до ответа. Сколько держится огонь. Сколько тишины после него до моего контрольного конца.

— И сколько?

— На каждом месте по-разному.

— Значит, счёта нет.

— Счёт есть. По-разному — это тоже счёт, если места не перепутаны. — Михаил провёл ногтем от зажатого конца к рабочему краю. — На нашем конце первый сгиб приходит

рано. У прогиба позже. После окончания огня до контрольного конца нового ответа не было. У дальнего края я доходил до конца вообще без первого сгиба.

— Контрольный конец откуда взял?

— Ставлю раньше самого раннего ответа на новое движение. Тишину он не обещает. Считать её дольше прежнего не даёт.

Илья посмотрел на подъём.

— Сегодня? По ком?

— Не по нашим. С той стороны прогиба уже ходили чужие, потом по полосе прошли порожняком. Я смотрел на готовое движение, никого ради счёта не посылал.

— Ты меня не позвал.

— Ты спал.

— Я не спал.

— Ты лежал и смотрел на кладку, — сказал Михаил. — Это не одно и то же.

Илья открыл блокнот и посмотрел на свою схему ещё раз.

Из тёмного промежутка была видна вся полоса. Если наблюдают только оттуда, то видят и наш конец, и прогиб, и дальний. До разговора Илья считал эту линию достаточной.

— По твоему счёту, — сказал он медленно, — на дальнем конце нас или не видят, или видят и не отвечают.

— Или отвечают не оттуда, откуда на нашем конце.

— Это уже дальше твоего счёта.

— Дальше, и я этого не проверял. Назвал, чтобы мы на

одном не остановились.

Илья провёл пальцем по схеме, от начала полосы к концу, и палец прошёл ровно, а счёт по этой линии ровно не проходил.

— Моя схема говорит: видно всю. Твой счёт говорит: отвечают не на всю.

— Да.

— Одно из двух неверно.

— Или оба верны, — сказал Михаил, — и я не знаю, как это уложить. Уложить — твоё.

Илья долго ничего не говорил.

Схема была честной: каждое закрытое место Илья проверил с краёв стены. И всё же для прохода её не хватало. Она описывала место, но ничего не говорила о ходе чужого ответа.

— Ты прав насчёт второй отметки, — сказал он наконец.

— Я не про правоту.

— Про правоту говорю я. — Илья перевернул страницу и провёл поперёк неё черту, но не сверху вниз, как в столбцах, а слева направо. — Сверху пойдёт место. Снизу — время. Читать будем вместе.

— Я писать не мастер.

— Ты и не будешь. Ты будешь говорить, я записывать. А проволоку положишь сюда.

Михаил положил проволоку ниже поперечной черты, не поверх схемы, и ещё раз показал на ней ноль, начало огня,

его конец и контрольный предел. После каждого показа распрямлял рабочий край. Илья перенёс границы отдельными штрихами под названиями частей пути: верх страницы показывал, откуда видно, низ — когда начинается и кончается доступное им окно.

— У прогиба первый сгиб позже, — сказал Михаил. — После обратного сгиба тишина держалась до контрольного. А дальний край оставил проволоку прямой.

— Значит, прогиб проверим пустым, а дальний край оставим неподтверждённым.

* * *

Проверять надо было так, чтобы никто не выходил на полосу.

Илья это сказал сразу. Михаил выдержал паузу, посмотрел на прогиб и спросил, что тогда будет двигаться.

— У нашего края осыпь держится на нижнем кирпиче, — сказал Илья. — Выну его из-за стены — мелочь пойдёт в прогиб.

— Осыпь не человек. Пыль от неё ляжет иначе.

— Мы не доказываем, что там прошёл человек. Проверяем, замечают ли пустое изменение на пути и куда после него кладут.

— Дальний край такой осыпью не проверишь.

— Не проверю. Он так и останется без отметки.

Они спустились к основанию стены со своей стороны. Уклон шёл от кладки наружу, к прогибу; рыхлый кирпич ле-

жал на нём тонким языком. Нижний край держался на опорном кирпиче, до которого Илья мог дотянуться из-за стены, не поднимая головы. Он нащупал кирпич и сдвинул к себе. Осыпь просела, но пока удержалась. Рядом оставался нетронутый рыхлый край: его можно было пустить перед проходом, если проверка даст рабочий порядок.

— Отсюда, — сказал Илья. — Лежим за стеной. Над верхом ничего не появляется.

Михаил прижал щеку к кирпичу и посмотрел вдоль основания.

— Лицо от края убери.

Илья опустил голову к кладке, не выпуская кирпич.

— Теперь тяни.

Кирпич вышел к Илье. Осыпь сначала только осела на его место, потом верхний слой с шорохом пополз от стены. Мелочь пересекла начало полосы, вошла в прогиб и там остановилась. Пыль поднялась полосой, невысоко, но с дальнего края её можно было принять за движение у земли.

Михаил зажал рабочий конец проволоки мизинцем в момент, когда пошла осыпь, и начал равномерно загибать её под ногтем. Илья следил за прогибом и тёмным промежутком, не переводя взгляд на руку Михаила.

Пыль уже стала редеть, когда у входа в прогиб ударило. Михаил сделал сгиб наружу. Огонь сместился по самому прогибу и оборвался; проволока легла обратным сгибом. Дальний край полосы остался нетронутым.

Илья лежал лицом к кирпичу и ждал. Михаил продолжал тот же счёт после обратного сгиба и остановился на своём контрольном пределе. Нового ответа за этот промежуток не было.

— Где у тебя? — спросил Илья, когда осыпь снова стала неподвижной.

— До внешнего сгиба дольше, чем у нашего края, и короче, чем у прогиба утром.

— А после того, как сместилось по прогибу?

Михаил помолчал, провёл ногтем от обратного сгиба до контрольного предела и отпустил проволоку.

— От конца огня дошёл сюда. Тишина.

— Соседний край оставим на проход.

— Ещё раз пустым не проверим?

— Нет. Каждая новая осыпь показывает, откуда мы её выпускаем. На проверку хватит этой; следующая будет уже началом прохода.

— Значит, окно у нас пока только на нашем конце и в прогибе.

— И только после ответа, — сказал Илья. — До него мы не знаем, когда он придёт.

Они лежали и смотрели на прогиб. Пыль оседала неровно: у места удара кирпич уже проступил, ближе к стене ещё держалась серая полоса.

— Разбери мне, что вышло, — сказал Илья.

— Ты разбирай. Я скажу, где ты соврёшь.

— Осыпь прошла от нашего края в прогиб. Ответ пришёл, когда движение уже кончилось, и лёг там же: у входа и в самом прогибе.

— Пока верно.

— Дальний конец не ответил.

— Мы его не двигали, — сказал Михаил. — Не приписывай ему тишину из этой проверки.

Илья опустил карандаш к нижней строке и вместо вывода поставил возле дальнего края пустой знак.

— Тогда так: у нашего края и в прогибе между движением и огнём есть ход времени. От обратного сгиба до контрольного предела держится промежуток, который у тебя уже повторялся.

— Повторялся в моём счёте. Сейчас мы подтвердили только начало.

— Поэтому ты держишь время и останавливаешь людей, если рисунок изменится. Я смотрю, куда ложится ответ.

— А что происходит по ту сторону этого времени?

— Не знаю. Могут передавать, могут наводить, могут просто поздно замечать. В порядок прохода это не войдёт.

— Теперь не врётся.

Илья записал рядом с пространственной линией: пустая осыпь — ответ у нашего края и в прогибе; дальний край проверкой не взят; окно начинается на обратном сгибе и закрывается у контрольного предела. Проволока задавала одинаковый ход счёта, а сами границы оставались на странице.

— Проверить весь вывод ты чем будешь? — спросил Михаил.

— Ничем. Для дальнего края нужен человек, а человека я туда как приманку не пошлю.

— Значит, это у нас останется как есть.

— Как есть. Так и доложу.

* * *

Ветров вернулся до прихода носильщиков и лёг рядом. Илья повернул к нему блокнот; проволока лежала под поперечной чертой, отдельно от пространственной схемы.

— Это что?

— Схема. Сверху — место, снизу — время. Проволока — его.

Ветров посмотрел на страницу, снял проволоку, прочёл подписи и положил её обратно под черту.

— Мне читать это или тебе рассказывать?

— Рассказывать буду я, — сказал Илья. — Читать вам придётся, если меня не будет.

— Коротко.

— Тёмный промежуток открывает всю полосу по геометрии. Пустая осыпь вызвала ответ у нашего края и в прогибе. Между движением и ответом есть задержка. Дальний край мы этой проверкой не взяли.

— Почему там иначе?

— Не знаю. Причины могу предположить, доказать не могу.

— Не предполагай, — сказал Ветров. — Мне не нужен трактат. Мне нужно окно. Оно есть?

— Есть, короткое и условное.

— Говори.

— Мы выпускаем соседний край осыпи без человека. Движение даёт Зимину ноль. Начало огня — внешний сгиб, конец — обратный. На обратном сгибе он выпускает носильщиков и продолжает счёт до контрольного предела. Люди начинают движение уже после этой границы, а предел поставлен раньше самой быстрой прежней реакции на новое движение. Если огонь вернётся или предел придёт раньше, чем люди уйдут с полосы, он их останавливает.

— Пустым вы это видели только сейчас.

— Сейчас — пустым. До этого Зимин независимо держал время по готовым движениям на полосе. Схема и его счёт сошлись только у нашего края и в прогибе. Дальше гарантии нет, поэтому его сигнал может отменить моё решение.

Ветров молчал.

— Кто выпускает осыпь?

— Я. Из-за стены, лёжа.

— Кто говорит носильщикам «пошли»?

— Зимин.

Ветров повернул голову.

— Почему не ты?

— Я смотрю, куда ложится ответ и осталась ли полоса открытой. Он держит своё время и видит носильщиков. Если

я возьму и место, и время, второй отметки снова не будет.

— А если вы не сойдётесь?

— Тогда люди не идут.

Ветров посмотрел на Михаила. Тот не заговорил первым и не взял проволоку, пока вопрос не был обращён к нему.

— Зимин.

— Я.

— Сколько раз, по-твоему, эта хитрость сработает?

— Один, — сказал Михаил. — Может, полтора.

— Что такое полтора?

— Это когда второй раз ты уже пошёл, а тебе уже отвечают по-другому.

— Понятно, — сказал Ветров. — Значит, один.

Он сел, достал карту, нашёл на ней полосу и загнул угол внутрь. Потом расправил его, выслушал тишину у прогиба и загнул внутрь другой угол.

— Берестов. С этого часа Зимин у тебя не сосед по стенке, а второй наблюдатель. Время держит он, схему ведёшь ты, а докладываете вы её вместе. Если у вас разное — докладывайте разное, а не то, о чём вы договорились.

— Понял.

— Зимин, понял?

— Понял.

— Носильщики будут у завала перед сроком. Грузёные. Назад пойдут порожняком. Обратный ход тоже входит в твою цену.

— Входит, — сказал Илья.

— Твоё окно, его счёт, общая цена.

— Товарищ лейтенант.

— Что?

— Если окно не откроется, я их не пушу.

— Не пускай. — Ветров встал. — Только доложи до четырнадцати, а не после.

Носильщики пришли заранее и присели за завалом. Ящики они удерживали на коленях, чтобы поднять по команде без лишнего движения.

— Слушать сюда, — сказал Михаил. Он говорил негромко и не торопясь, обращаясь только к тем, кому предстояло выйти. — Первый выход — по руке. Ладонь опустилась — идёте. Потом назад не смотрите. Если слышали «ложись» — передаёте вперёд и ложитесь. До прогиба держите свой ход, в прогибе не останавливаетесь. Кто уронил — не поднимает. Поднимает тот, кто сзади.

— А если никто не сзади?

— Тогда не поднимает никто. У дальнего завала крайний остаётся в низком проломе и смотрит на мою руку. Пока ладонь внизу, после разгрузки выходите обратно. Встала — ждёте. Если поверну её вдоль земли, уходите низом у мусора. С грузом туда не лезть.

Илья лёг у оставленного рыхлого края. Ему были видны прогиб и тёмный промежуток, но носильщики скрывались за стеной. Михаил устроился правее: оттуда открывались поло-

са, проволока на его ладони и люди у завала.

— Пускаю, — сказал Илья.

Он вытянул из основания кирпич. Осыпь просела, зашуршала и пошла к прогибу. Пыль поднялась тем же узким языком, что при проверке.

Михаил повёл ноготь по проволоке. Илья смотрел только на полосу.

Ответ лёг у входа в прогиб и прошёл по его низу. При начале огня Михаил загнул проволоку наружу и оставил ладонь поднятой. Когда огонь оборвался, он сделал обратный сгиб.

Тогда рука пошла вниз, а ноготь продолжил путь к контрольному пределу.

Носильщики подняли груз и вышли на полосу.

Они шли хуже пустой осыпи: цепочка растянулась, в прогибе середина просела на колени, но не остановилась и перевалила через мусор боком. Илья следил за тёмным промежутком и дальним краем. Михаил вёл непрерывный счёт после обратного сгиба. Ладонь оставалась опущенной: огонь не возвращался, контрольный предел ещё был впереди.

Огонь не вернулся. Груз исчез за дальним завалом; на полосе ничего не осталось.

— Прошли, — сказал Михаил.

— Не сбрасывай счёт.

Михаил не распрямил проволоку и не начал заново. Его ладонь оставалась внизу, а ноготь шёл от обратного сгиба к контрольному пределу. В низком проломе дальнего завала

показались плечо и голова крайнего носильщика; Илья видел его со своего места, а тот видел руку Михаила. Груз уже приняли за укрытием. Пока ладонь оставалась внизу, крайний исчез из пролома, и порожняя цепочка сразу вышла назад.

Без ящиков цепочка двигалась ровнее. Она успела отойти от дальнего завала, когда ответ пришёл раньше контрольного предела и не туда, куда при пустой проверке: огонь лёг у самого дальнего края, который на схеме оставался без отметки.

Михаил вскинул ладонь.

— Ложись!

Люди прижались к полосе. Разрывы легли у дальнего края за их спинами и сместились к прогибу. Михаил дождался разрыва в ответе, повернул ладонь вдоль земли, и порожние ушли по низкому краю у мусора. Этот ход не годился для ящиков, зато позволял людям не подниматься на середине полосы. Последний исчез за ближним завалом прежде, чем огонь вернулся к их прежнему следу.

— Целы? — спросил Илья, когда носильщики сползли за стену.

— Целы. Пыль в лицо попала.

Ближний носильщик вытер щёку рукавом и сам ушёл ниже стены. Михаил проследил только до укрытия и вернулся к блокноту.

— Полтора, — сказал Михаил.

— Полтора, — сказал Илья.

Он записал под чертой: обратный ход считать отдельно; на дальнем краю прежний предел не действует. Затем вернулся к верхней части страницы, поставил у дальнего выхода пустой кружок и провёл от него пунктир к заштрихованному краю осыпи — той части схемы, которую они не проверяли. Пунктир обрывался в штриховке, без точки наблюдателя на конце.

— Линия следующей проверки, — сказал он.

— Направление ты видел?

— Нет. Поэтому она ведёт к непроверенному краю, а не к найденному месту.

— Это не отметка.

— Это не отметка, — согласился Илья. — Здесь начинается следующая проверка.

Михаил положил проволоку под временной строкой и загнул на её прямом хвосте короткое колено.

— Это что? — спросил Илья.

— Обратный ход. Чтоб не спутать.

Боеприпас уже унесли от дальнего завала. На странице рядом с пунктиром лежала проволока с новым коленом обратного хода.

Глава 5. Чужой огонь

В половине пятого работать было ещё нельзя, и это было хорошо: темнота позволяла разговаривать, не повышая голоса.

Они сидели в углу разбитого цеха, под куском перекрытия, который ещё держался на сходящихся стенах. Пахло железом и кирпичной пылью; здесь она была мельче, чем у воды, и дольше висела в воздухе.

Ветров пришёл не один. Со связистом.

— Линия рвётся, — сказал Ветров. — Опять.

— В одном месте?

— Скажет он.

Связист сел на корточки и положил руки на колени.

— В одном. За поворотом.

— До обрыва раньше доходил?

— Доходил. Срастил. Потом линия опять замолчала.

— Тот же участок?

— Тот же. Сросток мой там остался.

— Теперь до него дошёл?

— Нет.

— Где остановило?

Связист подумал.

— Вышел из-за штабеля, прошёл вдоль стены и стал заворачивать вправо. Как завернул — легло.

— Сразу как завернул или чуть погодя?

— Сразу.

— А когда дошёл до обрыва?

— У поворота было тихо. Дальше, у провода, легло погода. Я тогда переждал и добрался.

Илья открыл блокнот, нашёл нужную страницу и повернул её к свету, которого ещё не было; свету он повернул её по привычке, а прочитал по памяти.

Позавчера он оставил там пунктир — тот упирался в непроверенную осыпь мимо тёмного промежутка. Их перевели правее, на заводские подходы, и всё, что стояло на той странице, осталось про прежний участок.

Но правило осталось.

— Ветров, — сказал он. — Обрыв где?

— За поворотом, на битом кирпиче. Провод идёт поверху, и его там уже рвало.

— Провод рвёт огнём или его рвут?

— Огнём.

— Тогда место может быть не случайным, — сказал Илья.

— Надо увидеть, где начинается провод и куда после этого кладут.

— Ты это знаешь или сейчас придумал?

— Это я сейчас сказал вслух. Знать буду к свету.

Связист посмотрел на него, потом на Ветрова.

— Линия нужна, — сказал он. — Не мне одному.

— Я слышал.

— Я и один пойду, если скажут.

— Скажу не я, — сказал Илья. — Но пока не скажут, посиди.

Связист достал из-за пазухи моток и стал перебирать его на коленях, отыскивая на ощупь старые сrostки жилы.

— Много таких? — спросил Михаил.

— Хватает.

— И держат?

— Держат. Пока не рвёт рядом.

Ветров загнул угол карты внутрь.

— К двенадцати линия должна работать. Исполнитель — вы двое. Связист — с вами, но не впереди вас.

— Понял.

Свет пришёл сверху и справа. Сначала от него не было толку, потом проступили стена, поворот и провод на битом кирпиче.

Илья лежал под низким проёмом в цеховой стене и смотрел на поворот.

Провод шёл от штабеля вдоль длинной стены. За поворотом он выходил поверх битого кирпича к месту обрыва. Дальше стояла серая коробка — высокая, без крыши, с рядами пустых окон в торце.

Он не стал смотреть на коробку. Он стал смотреть на землю у поворота.

Битый кирпич за углом лежал перевёрнутыми пятнами. У самой стены крошка была притёрта, дальше края оставались

свежими.

Илья отметил границу между ними, но не назвал её точным рубежом: связист видел только начало огня и успел лечь.

Связист лежал за штабелем у своего конца линии. По приказу Ильи он выбрал слабину и приготовился потянуть провод, не показываясь из укрытия.

— За поворотом шевельнётся? — спросил Илья.

— До самого обрыва, — ответил связист. — Дальше он свободный.

Михаил расправил рабочий конец проволоки и зажал ноль мизинцем.

— Тяни, — сказал Илья.

Слабина ушла. Провод дрогнул вдоль стены, скользнул по крошке у поворота и шевельнулся возле обрыва. Угол ответил сразу: ударило по свежим пятнам за кладкой. Михаил загнул проволоку наружу, но счёт не остановил.

После паузы легло дальше, возле места, которое связист указал как обрыв. Михаил поставил другой сгиб. Илья видел оба места ответа, но не видел ни стрелявших, ни того, кто мог передать им движение провода.

Между ответами провод уже лежал неподвижно. Михаил всё это время продолжал свой ход по проволоке, поэтому поздний удар остался отдельной отметкой, а не продолжением первого только по звуку.

— Сразу и погода, — сказал Михаил.

— И в разных местах, — ответил Илья.

— До поворота что было?

— Ничего.

Илья записал: до поворота ответа нет; у поворота — сразу; у обрыва — после паузы. Слов «безопасно» и «наблюдатель» на странице не было.

— Границу нашёл? — спросил Михаил.

— Нашёл, где кончается проверенное. Точнее пока нет.

— Тогда что дальше?

— Разделим места и время. Потом решим, сколько здесь узлов.

* * *

Михаил лёг рядом и вытянул проволоку. Он держал её натянутой и не сгибал.

— У меня к тебе есть, — сказал он.

— Говори.

— Ты считаешь, что это один хозяин. Я бы пока не считал.

Илья повернул голову.

— По чему?

— По времени. — Михаил показал проволокой не на коробку, а вдоль стены, на угол. — У поворота ответ пришёл вместе с движением. У обрыва я успел пройти свою отметку.

— Одной задержкой два узла не докажешь.

— Не докажешь. Может, один и тот же человек медлит. Но места разные, и ход времени разный. Проверь место. Своё я уже отдал.

— Насколько долго?

— Дольше моей короткой отметки. Точнее не дам, я не часы.

— И что?

— То, что сразу и погода — разные ходы. Почему разные, по одному времени не скажу.

Илья лежал и молчал.

— Может, он просто иногда медлит, — сказал он.

— Может. Поэтому я не называю человека. Я называю два места ответа.

— Какие?

— У поворота — сразу. За поворотом, у обрыва, — по-
года.

Илья пополз влево, вдоль цеховой стены, туда, где в стене был выбит кусок и через выбоину было видно угол снизу.

Он смотрел не на коробку и не на угол.

Он смотрел на стену над углом.

Стена была битая по-разному. Выше кирпич выломало кусками. По низу шла частая мелкая строка, ровная и чуть косая; она уходила к повороту.

Илья приложил глаз к началу строки и посмотрел вдоль неё.

Строка вела не в окна коробки. Она уходила ниже, к узкой тёмной щели между обломками у земли.

— Нашёл, — сказал он.

— Что?

— Откуда бьют сразу. Строка на стене идёт оттуда. Щель у земли, левее коробки, под завалом.

Михаил подполз и посмотрел вдоль строки сам, приложив глаз туда же, куда прикладывал Илья.

— Вижу щель, — сказал он. — Кто там, не вижу.

— Оттуда держат ближний угол.

— А место обрыва?

— Из щели его не видно. Кирпич закрывает провод сразу за поворотом.

— Значит, у дальнего ответа глаз другой.

— Или другую дорогу передачи, — сказал Илья. — Людей пока не считаем.

Илья лёг на спину и посмотрел вверх, на кусок перекрытия, и полежал так, пока не уложилось.

Потом сел и стал считать по-своему.

Из щели место обрыва закрывал кирпич. Ближний огонь мог держать поворот, но для дальнего ответа требовалась другая линия наблюдения. Илья проверил коробку с доступных ему положений: нижнюю часть торца закрывал собственный завал, а над ним оставалась широкая полоса окон под сломанным верхом.

Только из этой полосы среди отмеченных мест открывался провод у обрыва. Каким именно окном пользовались и пользовались ли коробкой сейчас, Илья не видел.

Он обозначил на странице верхнюю полосу торца и сторону, обращённую к длинной стене. Внутри полосы точного

окна не поставил.

— Верхняя полоса под сломанным краем, со стороны длинной стены, — сказал он. — Точнее не скажу.

— Ты его видел?

— Нет.

— Тогда что у тебя есть?

— У меня есть две опоры, — сказал Илья. — Из щели место обрыва не видно, а из верхней полосы коробки видно. И ход ответа у поворота не такой, как у провода. Это даёт сектор, но не человека и не окно.

Михаил положил проволоку на ладонь и поставил на ней сгиб.

— Годится как сектор, — сказал он. — Пулемёт и глаз — разные узлы. Щель держит поворот, верх коробки может видеть провод.

— Не сходилось у меня.

— У нас, — сказал Михаил. — Я держал время, ты нашёл линию.

Илья не стал на это отвечать. Он открыл блокнот и на верхней половине страницы поставил коробку, торец и щель, а на нижней развёл два хода — сразу и погода — и подписал, какой к чему.

— Стрелять будешь? — спросил Михаил.

Илья посмотрел вдоль стены.

Чтобы увидеть верхнюю полосу торца через прицел, надо было лечь на верх их же завала, правее выбоины. Это место

пересекала мелкая строка попаданий, которая шла из низкой щели. Прямой угол открывал цель и одновременно открывал стрелка ближнему огню.

— Нет, — сказал он.

— Совсем?

— Совсем. Прямой угол лежит под щелью. Выстрелить, может, успею. Уйти оттуда — нет.

— А потом?

— А потом там останусь я.

* * *

Ветров вернулся, когда весь путь от штабеля до коробки уже вышел из темноты. Илья повернул к нему блокнот.

— Коротко, — сказал Ветров.

— Два узла на схеме. Пулемёт у земли, в щели под завалом: он держит поворот. Дальний ответ приходит по движению у обрыва. Из проверенных мест провод там открывается из верхней полосы коробки. Точного окна и человека я не видел.

— Который мешает связисту?

— Дальний узел. Пулемёт держит угол, но под углом есть низкий ход. Связисту нужно дальше, к обрыву.

— Значит, глаз.

— Значит, глаз.

Ветров помолчал.

— Ты стрелок. Стреляй.

— Не буду.

— Причину.

— Причин две. — Илья положил ладонь на страницу. — Первая: прямой угол лежит под пулемётом. Я откроюсь раньше, чем получу проверяемый результат, и отхода оттуда нет.

— Вторая?

— Вторая: у меня сектор, а не видимая цель. Винтовке нужно окно. Закрытому огню достаточно общей привязки, и ему не надо ложиться под щель.

— А если не ты?

— Если не я, то с закрытой позиции. Тому, кто работает из-за укрытия, мой угол не нужен. Ему нужна привязка, которую он сам видит.

Ветров посмотрел на страницу и загнул угол карты внутрь.

— Миномётчики стоят в укрытии, — сказал он. — Низ торца им закрыт. Верх коробки видят.

— Что они видят?

— Сломанный верх и щербину на нём. Нижние окна закрывает их завал.

— Тогда я дам от верха.

Илья перевернул страницу и стал писать заново, не для себя.

Он написал так: коробка; на сломанном верхнем крае — низкая щербина, видимая из миномётного укрытия; от неё вниз и в сторону длинной стены лежит верхняя полоса окон. Не отдельное окно, а весь участок торца, из которого возможна линия наблюдения к проводу.

— Зачем это? — спросил Ветров.

— Затем, что края им не видны. Щербина видна им и нам.

От неё привязка одна для всех.

— Дальше.

— Дальше время. — Илья повернулся к Михаилу. — Скажи.

— После дальнего ответа пауза держится дольше ближайшей, — сказал Михаил. — Сейчас там тише. Почему — не знаю.

— Это в докладе как писать? — спросил Ветров.

— Так и писать, — сказал Илья. — «Тише, причина неизвестна». Не «противник отдыхает».

Ветров взял блокнот, посмотрел на страницу и не стал её вырывать.

— Перепиши мне это на клочок, — сказал он. — Блокнот твой, я его носить не буду.

Илья переписал.

Ветров ушёл, и пришлось ждать, и ждать было хуже всего, потому что делать в это время было нечего, а смотреть — можно.

Илья смотрел на щель.

Щели отсюда видно не было — её закрывал угол их же выбоины, — и он смотрел на то место, где она должна была быть. Толку в этом не было никакого, и всё-таки это было лучше, чем смотреть на коробку и ждать, когда по ней начнут.

— Не туда смотришь, — сказал Михаил.

— Знаю.

— Смотри на верхнюю полосу. Тебе потом говорить, что там было до.

Илья перевёл глаза на верхнюю полосу под сломанным краем и стал держать её.

— Ты им отдал, — сказал Михаил.

— Отдал.

— И как?

— Никак. Работа не моя, и польза не моя.

— Польза общая.

— Польза связиста, — сказал Илья. — Моё в ней — привязка.

Положили не скоро.

Сначала прошло над ними, и звук был не тот, к какому Илья привык за эти дни. Потом ударило по торцу коробки: пыль пошла из окон вбок и вниз, и серый верх побелел.

Огонь прошёл по верхней части торца. Пыль вставала у щербины, уходила к длинной стене, закрывала полосу окон и снова выпускала её. Илья смотрел не на пыль, а на границы переданного сектора.

Потом перестало.

— Всё? — спросил Михаил.

— Всё.

— Попали?

— Не знаю. Я туда не ходил и оттуда не смотрел.

— А что знаешь?

— Знаю, что там было бело, а теперь опять серо.

Они лежали и ждали, пока торец снова станет различим.

Никто к повороту не выходил.

— Щель? — спросил Михаил.

— По ней не работали. Считаем, что ближний огонь остался.

— А глаз?

— После воздействия глаз не проверен. По дальнему участку никто не проходил.

— Значит, первым пойдёт связист.

— Он идёт чинить линию. Дадим ему лучший доступный ход и остановим при первом изменении.

Илья лежал и смотрел на верхнюю полосу торца. Окна там были такими же чёрными, как остальные.

— А если ответа не будет? — спросил Михаил.

— Отсутствие ответа — не доказательство, — сказал Илья.

— Тогда что запишешь?

— Что связист прошёл. И где прежняя запись перестала быть проверенной.

— После воздействия.

— После воздействия.

* * *

Связиста они держали за штабелем, пока пыль над коробкой не осела и Ветров не разрешил проход.

Илья ещё раз приложился к строке попаданий у безопасного края. Низкий просвет лежал за сплошным основанием стены и из щели не открывался; только у обрыва рука связиста должна была выйти к проводу. После спуска жест Михаила уже не был виден.

— Слушать, — сказал Илья ему. — До угла идёшь как ходил. У угла останавливаешься и дальше не заворачиваешь.

— А как же?

— Заворачиваешь ниже. Между основанием стены и осевшим кирпичом есть непрерывный просвет. Проползёшь в нём боком, пока кладка снова не даст укрытие. Медленнее и хуже, зато до обрыва остаёшься ниже линии щели.

— Провод там как?

— Провод там же, наверху. Ты его достанешь рукой, не поднимаясь.

— Достану.

— На обрыве не садись. Сядешь — будешь сидеть долго, а долго нельзя.

— Я стоя не сращу.

— Тогда лёжа. — Илья сказал это не мягче, чем раньше.
— Ляг на бок и делай.

— А если дальше тоже повреждено?

— Чинишь то, до чего дошёл, и уходишь. Дальше будем смотреть после.

Связист снял с себя всё, что мешало, и оставил у штабеля.

— Рука его, — сказал Илья, показав на Михаила. — Опу-

цена — идёшь. Поднята — стоишь, где стоишь, и не двигаешься совсем.

— А если я под кирпичом её не увижу?

— До спуска увидишь. Внутри при новом ударе лежишься и ждёшь тишины. Назад не поворачиваешь.

Он пошёл.

До угла дошёл спокойно, остановился по команде и спустился в просвет — неловко, боком. Кирпич под ним поехал; связист замер, переждал и двинулся дальше.

Счёт Илья оставил Михаилу. Сам держал верхнюю полосу окон и место, где она сходилась с линией к обрыву, а положение связиста отмечал между проверками торца; чужую временную шкалу не подменял своей.

Михаил вёл прежний ход отдельно и не говорил.

Связист дошёл до места обрыва. Отсюда было видно только, как он лёг на бок и как одна его рука ушла вверх, к проводу, а вторая осталась внизу.

Он лежал дольше той дальней отметки, которую Михаил показал перед выходом.

— Долго, — сказал Михаил.

— Пусть.

— Я не тороплю. Я говорю, что долго.

Рука опустилась. Связист повернулся на живот и пополз обратно.

Обратно он двигался быстрее. Перед углом поднялся раньше условленного, увидел ладонь Михаила и снова при-

сел.

Ударило.

Не по нему. Легло за поворотом, возле места ремонта, вдоль провода. Пыль закрыла светлый сросток, но сам провод остался лежать на кирпиче.

Только задержка была не такая.

— Короче, — сказал Михаил. — Прежнюю отметку не повторяет.

— Хватит, чтобы прежнюю временную отметку больше не считать рабочей?

— Хватит. Но нового места это не даёт.

Илья смотрел на верхнюю полосу торца. Никакого движения там он не увидел.

— Старый ход не годится, — сказал он.

— Не годится.

— Тогда откуда?

— Не знаю, — сказал Михаил. — Знаю только, что дорога от глаза до тех, кто кладёт, стала короче. Или глаз ближе, или дорога прямее.

Связист добрался до штабеля и сел, и сидел, опустив руки между колен.

Руки у него ходили не сильно и не всё время, а короткими заходами; он убрал их между колен, чтобы не было видно. Илья это видел и ничего не сказал.

— Пить, — сказал связист.

Ему дали.

Он выпил не всё и вернул, и вернул той рукой, которая держала провод.

— Есть связь? — спросил Ветров, подходя.

— Есть, — сказал связист. — Срастил.

— После удара проверил?

— Проверил. С той стороны ответили.

Больше он ничего не сказал и не стал рассказывать, как это было; он взял то, что оставил у штабеля, и пошёл вдоль стены обратно.

Ветров посмотрел ему вслед, потом на коробку.

— Работает? — спросил он у Ильи.

— Линия работает. Узел не проверен.

— Как это?

— До воздействия верх коробки был рабочей версией. После воздействия — непроверенной. При проходе ожидаемого дальнего ответа не было; это польза для связиста, но не доказательство. На обратном пути возле провода легло с другим ходом времени. Прежнюю временную отметку использовать нельзя. Перенеслось ли наблюдение и куда — не знаем.

— То есть ты даёшь мне запись, которая уже устарела.

— Часть её устарела в момент воздействия, — сказал Илья. — Проход её не вернул; он показал только, что связист смог пройти.

Он открыл блокнот, нашёл верхнюю половину страницы, где стояла коробка с рядами, и провёл под ней черту.

Под чертой он записал: до воздействия — возможный сектор и прежний ход ответа; после воздействия — не проверено; проход выполнен; новый ответ — с другим ходом; причина изменения неизвестна.

— Ты сам себе перечеркнул работу, — сказал Ветров.

— Не перечеркнул. Пометил.

— Разница?

— По перечёркнутому не пойдут. По помеченному увидят, где кончилось проверенное.

Ветров молчал, глядя на страницу.

— Со следующего раза границу действия ставь сразу, — сказал он. — Рядом с самой записью, не в конце страницы.

— Буду.

— И вот ещё. — Он загнул угол карты внутрь и не разогнул. — Миноётчики привязку приняли. Они спрашивали, кто давал. Я сказал — взвод.

— Правильно сказали.

— Я не спрашивал, правильно ли.

Ветров уже повернулся к штабелю, но остановился.

— Следующая работа готова. Южнее «Красного Октября», в подтверждённом секторе 241-го стрелкового полка.

— Там тоже проход?

— Проход. Сначала найдёте, что его держит.

Он ушёл вдоль стены, к штабелю.

Михаил вытянул проволоку и стал искать на ней место для нового колена. Мест было уже много, и он вертел её так и

этак.

— Кончится проволока, — сказал Илья.

— Кончится — возьму другую.

— А старые перегибы?

— Старые я помню. Новую беру, когда старая перестаёт быть про сегодня.

Провод шёл поверху, по битому кирпичу, от штабеля к повороту, а за поворотом, у обрыва, кусок его был светлее остального.

Глава 6. Открытый проход

В пять часов Ветров разложил на колене карту и загнул угол внутрь ещё до того, как начал говорить.

— Мы теперь южнее «Красного Октября», — сказал он.

— Сектор двести сорок первого полка подтверждён. Где именно в нём держится проход, узнаете на земле.

— Понял, — сказал Илья.

— Носильщики не проходят вон туда. — Он показал не пальцем, а всей ладонью: направление было важнее точки.

— Там сидят наши, и у них кончается то, что кончается.

— Что несут?

— Всё, что несут. Воду тоже.

— Повторить смогут?

— На повтор не рассчитывай и им не обещай.

— Я им ничего не обещаю.

— И не обещай. Обещать буду я, и то не им.

— Срок?

— До полудня. Потом понесут другим путём. Он длиннее, и не всякий пройдёт его с грузом.

Илья кивнул и стал смотреть туда, куда была показана ладонь.

Смотреть было пока не на что: свет ещё не пришёл, и из темноты выходили только края — насыпь слева, длинная и низкая, кусок стены справа, и между ними промежутки, ко-

торый надо было пройти.

— Как сделаешь? — спросил Ветров.

— Пока никак. Пойду смотреть.

— А если коротко?

— Коротко не будет.

— Мне не нужно коротко. Мне нужно понятно. — Ветров не убирал карту. — Позавчера ты мне дал привязку, и я её отнёс. Сегодня ты мне что отнесёшь?

— Сегодня не знаю. Может быть, снова привязку. Может быть, скажу, что не выйдет.

— А если выйдет по-другому? Если ты скажешь: снимем немца — и всё?

— Так я не скажу.

— Почему?

— Потому что это не работа, — сказал Илья. — Это её половина. Работа — это когда носильщики прошли. Немец в неё входит, если мешает. Если не мешает, он мне не нужен.

Ветров смотрел на него дольше обычного.

— Тогда так и докладывай, — сказал он. — Начинай не с немца. Начинай с носильщиков.

— Начну.

— И вот ещё. Ты мне позавчера назвал границу, после которой запись уже не верна. Я это запомнил и другим сказал. Мне за это уже задали вопрос.

— Какой?

— Такой: если у тебя всё стареет, зачем ты вообще пи-

шешь.

— И что вы ответили?

— Что затем и пишет, чтобы знать, что состарилось. —
Ветров сложил карту. — Отвечать я умею. Ты работай.

Свет пришёл, и стало видно то, о чём говорила ладонь.

Промежуток между насыпью и стеной пересекала старая вдавленная колея с бортиками из ссохшейся земли. Человек мог хоть немного уйти вниз только там, и потому по ней ходили все, кто здесь ходил.

За промежутком, дальше и выше, стояла стена с проёмами. Илья считать их не стал. Важно было, какой из них смотрит вдоль колеи, а какой берёт только её кусок.

— Я на линию, — сказал он. — Ты на своё.

— На какое моё?

— На наших. Смотри, когда они останавливаются.

— Кто — наши?

— Все, кто тут ходит. Не только носильщики.

Михаил больше не переспросил. Он отполз левее, туда, откуда были видны подходы к промежутку с нашей стороны, и лёг.

По мере света на верхней половине страницы проступала линия. Рука знала порядок: лечь, посмотреть, отметить закрытое, переползти, сверить с прежней точкой. Однажды тень между обломками показалась проёмом; смена места вернула ей плоскую форму. В другом месте бортик будто закрывал колею целиком, но с соседней точки стало видно, что

он прячет только ближний отрезок. Илья оставил эти ошибки на полях: чужому глазу требовался не красивый итог, а путь к нему.

Большинство проёмов брало колею кусками. Только дальний, с обломанным верхом, держал её вдоль: бортики сходились к нему, как рельсы к человеку, стоящему между ними. У самого поворота кусок кладки отрезал эту линию от остальных проёмов. По карте Ильи перемена там должна была открыться именно дальнему проёму — либо карта была неверна.

Он отметил проём и подписал: смотрит вдоль. Ниже поставил места, с которых проверял закрытые отрезки, и оставил свободную строку для второй опоры.

Переползая, он вышел на кусок, где кирпич лежал перевёрнутый, и полежал на нём, не двигаясь, пока не решил, что перевёрнут тот давно: края были притёрты, и в трещинах лежала пыль, а не свежая крошка. После этого он пополз дальше, а обратно вернулся не этим местом.

Потом отполз к Михаилу.

— Что у тебя?

— У меня странное, — сказал Михаил.

— Говори странное.

— Наши тут останавливаются. Не там, где опасно, а раньше.

— Насколько раньше?

— Перед поворотом. Дошёл — встал, постоял, пошёл. И

не все, а те, кто здесь уже ходил.

— Пережидают огонь?

— В том и дело, что нет. Огня в это время нет. Они встают, стоят и идут, и ничего не случается.

Илья лёг рядом и стал смотреть туда же.

Через некоторое время от насыпи пошёл носильщик с пустой тарой. Он дошёл до поворота, остановился, постоял, переступил и пошёл дальше. Ничего не случилось.

— Видел? — сказал Михаил.

— Видел.

— Спроси его.

Илья дождался, пока тот пойдёт обратно, и остановил его у насыпи.

— Ты сейчас у поворота стоял.

— Стоял.

— Зачем?

Человек посмотрел на него, потом на поворот.

— Не знаю, — сказал он. — Постоял и пошёл.

— Ты всегда там стоишь?

— Не всегда. Когда как.

— Когда как — это как?

— Когда чего-то не так. — Он подумал и повторил теми же словами: — Когда чего-то не так.

Он ушёл, и Илья вернулся к Михаилу.

— Он не знает.

— Он знает, — сказал Михаил. — Он не умеет сказать.

Это разное.

— Это повторялось?

— Скажу, когда ты перестанешь спрашивать и дашь досчитать. — Михаил повернул проволоку. — Не случайность. Но для верности пока мало.

— Тогда скажи ты.

— Я записал за ними время. Не по часам, по-своему. Они встают не подряд и не когда попало. Они встают, когда на той стене что-то делается.

— Что делается?

— Не знаю что. Отсюда мне видно плохо, я смотрел на наших, а не на стену. Но всякий раз, когда они вставали, я потом смотрел туда и видел: на стене не так, как было.

Илья открыл блокнот на нижней половине страницы.

— Значит, у меня линия, а у тебя люди.

— У тебя линия, у меня люди, — согласился Михаил. — Люди хуже линии.

— Люди лучше линии. Линия говорит, откуда видно. Люди говорят, что оттуда смотрят.

Он записал это на нижней половине и пометил начало наблюдения.

— Проверять будем? — спросил Михаил.

* * *

— Будем. Только не собой и не ими.

Место для проверки они выбирали по карте Ильи. У изгиба насыпи дальний проём получал узкую полосу гребня,

а другие проёмы теряли её за выступом кладки. На обратном скате насыпь закрывала человека целиком; ниже лежал старый отвал, за который можно было уйти до ответа. Безопасным это место Илья не назвал. Оно лишь позволяло изменить видимый край, не выставляя тело, а затем отделиться от гребня толщей земли.

— Тут, — сказал Илья.

— Что тут?

— Тут мы изменим рисунок.

На обратном скате лежала старая доска. Верхний край врос в гребень и со стороны стены сливался с землёй; нижний оставался под рукой за насыпью. Если сдвинуть низ вбок, верх поворачивался и давал на изолированной полоске новую тёмную грань.

— Повернём её, — сказал Илья. — Не бросим и не вынесем на гребень. Только покажем другой край.

— Зачем краем?

— Затем, что сейчас она продолжает землю. После поворота рисунок станет другим.

— И что?

— И то, что если там смотрят, то увидят перемену.

Илья взялся за нижний край и попробовал освободить его из земли. Доска не шла. Он подтянулся выше, чтобы дотянуться до места, где её держал слежавшийся грунт. Михаил взял его за ремень и потянул вниз.

— Ниже.

— Не достаю.

— Значит, не достанешь. — Михаил ремня не отпустил.

— Мы её ставим не затем, чтобы ты рядом с ней встал.

Илья сполз. Они выбрали землю из-под нижнего края, не приближаясь к гребню, и сдвинули доску вдоль обратного ската. Верх повернулся на вросшем конце и остался заклинен между комьями. Над гребнем появилась только узкая тёмная грань.

Доска изменила рисунок.

Они сразу отошли ниже и легли за старым отвалом. Между ними и доской теперь были отвал и тело насыпи; гребень оставался перед ними, а не над головами.

Илья держал свой отсчёт. Михаил вёл отдельный по проволоке.

Михаил вёл проволоку от нуля, взятого в момент поворота. Илья следил за тем местом стены, куда упиралась изолированная линия. Сначала ничего не менялось. Потом по гребню у доски пришёл ответ. Земля приняла его с передней стороны; через насыпь дошёл глухой толчок. Когда осыпь перестала шуршать, над гребнем уже не было тёмной грани.

— Есть, — сказал Михаил.

— Есть, — сказал Илья. — И с задержкой.

— Дальше, чем идёт человек от изгиба до стены, — сказал Михаил. — Я сверял на порожних.

— Значит, перемену на этой линии увидели, а ответ пришёл позже.

— Это связь между наблюдением и огнём, — сказал Михаил. — Кто там смотрит и сколько у ответа звеньев, отсюда не видно.

— И дальний проём пока остаётся версией, — сказал Илья. — Но край доски появился только в его полосе. Геометрия и время сошлись на одном участке.

Михаил поднял у отвала старую щепку, оставшуюся там прежде, посмотрел на неё и бросил.

— Доску жалко, — сказал он.

— Тебе доску?

— Мне доску. Она хорошая была. Сухая.

Илья записал на верхней половине: дальний проём смотрит вдоль колеи; на нижней: перемена в его изолированной полосе получила ответ после задержки. Потом провёл между строками короткую стрелку и рядом поставил предел: связь подтверждена, устройство связи неизвестно.

— Успеют? — спросил он.

— Порожний успевал до стены раньше моей отметки ответа. С грузом будет хуже.

— Тогда окно не обещаем. Сравним отход и проход.

— И если ответ начнётся раньше моей отметки, остановим.

* * *

Выход он выбирал раньше, чем позицию.

Он делал это впервые в таком порядке и сам это заметил, потому что рука по привычке потянулась сначала искать, от-

куда видно, и он её остановил.

— Сначала куда уходить, — сказал он вслух, не Михаилу, а себе.

Короткий отход пересекал колею и выводил к насыпи. Он занимал то же открытое место, которое требовалось носильщикам: пока стрелок переходил его, гружёные должны были ждать, а после его выхода от замеченной задержки почти ничего не оставалось. Закрытый путь уходил назад вдоль стены, спускался под отвал и тянулся по нему боком. Он был дольше и неудобнее, зато из проверенных проёмов его не было видно.

Удобный угол кладки давал весь дальний проём. В нём можно было лежать ровно и долго, но выход оставался только через колею. Ниже была неглубокая яма за обломком. В ней нельзя было вытянуться или повернуться, а от проёма читалась лишь верхняя часть у обломанного зубца. Зато из ямы начинался закрытый путь.

Илья полежал в углу, затем перебрался в яму.

— Первая лучше, — сказал Михаил.

— Первая лучше.

— И?

— И я лягу во вторую.

Михаил ничего не сказал.

— Скажи, что думаешь.

— Думаю, что из второй ты промажешь.

— Могу.

— И что тогда?

— Тогда носильщики не пойдут, — сказал Илья. — Это плохо, но это можно поправить. А из первой я могу и попасть, и не выйти. Это поправить нельзя.

Михаил приложил проволоку к отметке ответа и посмотрел на открытую колею.

— Из угла ты очистишь проход только у самого предела, — сказал он. — Они в это время ещё будут за насыпью.

— Поэтому яма.

— Поэтому яма, — повторил Михаил без согласия в голосе, но спорить больше не стал.

Он устроился в яме, подложил под левый локоть кирпич, попробовал и вынул кирпич обратно, потому что с кирпичом рука стояла выше, чем нужно. Ремень лёг на рубец. Он сдвинул его и оставил.

Отход они прошли ногами, оба. Илья отмечал места, где придётся ставить руку, и выкинул из-под ступни качавшийся обломок. У середины отвала нашлось место, откуда поднятая рука Михаила была видна носильщикам в изгибе насыпи, но оставалась ниже линии дальней стены.

— Считать будем? — спросил Михаил.

— От начала.

Михаил показал сгиб, сделанный на времени их прохода.

— Долго, — сказал Михаил.

— Долго и закрыто. Коротко и открыто у нас уже было.

— Твоё дело, — сказал он Михаилу, — не проём.

— А что?

— Отход. Смотри на отвал и на низ. Если по отходу начнут — говоришь сразу, не дожидаясь, когда я закончу.

— А если ты в это время будешь брать?

— Всё равно говоришь. Я не выстрелю — это ничего. Я не выйду — это уже другое.

— Понял.

— Когда я возьму проём, ты на него больше не смотришь, — сказал Илья. — Только низ и отвал.

— Тогда откуда мои «раз» и «два»?

Илья положил левую руку рядом с блокнотом, там, где Михаил мог видеть её краем глаза, не меняя направления взгляда.

— На первом появлении согну палец. На следующем раскрою ладонь.

— А если рука соврёт?

— Тогда не будет выстрела. Ты считаешь только то, что я тебе показал.

— Годится.

Носильщиков поставили за насыпью, в изгибе, там, где лежала доска, — теперь уже не лежала.

Илья подошёл к ним сам.

— Груз не бросите?

— Не бросим.

— Переложите так, чтобы рука осталась свободной. Не для стрельбы. Для земли.

Переложили не все и не сразу, и он подождал, пока переложат все.

— По руке, — сказал Михаил им. — Не по звуку. Услышите выстрел — не бегите. Стойте и смотрите на руку.

— А если рука не пойдёт?

— Значит, стойте дальше.

Ждать пришлось долго.

Проём был тёмный и ровный, и в нём ничего не менялось, и Илья смотрел на него не подряд, а заходами, отводя глаз на бортик колеи и возвращая обратно.

Свет к этому часу лёг на стену сбоку, и зубец на верхнем краю проёма дал внутрь короткую тень. Она стояла на месте и позволяла проверять, не сползла ли у него голова.

— Ты как? — спросил Михаил.

— Держу.

— Не держи всё время. Отпускай.

— Отпускаю.

Верхний край проёма заканчивался зубцом. Слева от него появилось тёмное — не движение, а пятно, которого раньше не было.

Илья не стал брать сразу.

Тёмное постояло и ушло. Илья согнул палец.

— Раз, — сказал Михаил, не отрывая глаз от отвала.

Когда тёмное вернулось на то же место у зубца, Илья раскрыл ладонь.

— Два, — сказал Михаил.

— Вижу.

Он взял левее зубца, под тёмное, и стал держать, и дышал ровно, и ждал.

Тёмное поднялось.

Илья выстрелил.

Отдача пошла в плечо, дым пошёл вперёд, и в яме дым стоял дольше, чем на открытом месте, потому что яма была без сквозняка.

Он не стал смотреть, что там.

Из ямы после выстрела верх проёма закрыло своим же дымом, и ждать, пока он отойдёт, значило лежать лишнее.

— Отход, — сказал Михаил. — Чисто.

— Идём.

Они ушли сразу, как договорились: сначала назад вдоль стены, пригнувшись, потом вниз, потом по отвалу боком. По отвалу было идти хуже всего — он ехал, и приходилось ставить ногу поперёк.

К открытой колее они не вышли. Яма осталась позади, затем ушла за стену. Только когда земля отвала закрыла их от дальнего проёма, Михаил поднял ладонь к носильщикам, не оборачиваясь.

* * *

Носильщики пошли.

Илья видел их с отвала, снизу и сбоку, и видел он их плохо: только то, что они вышли из-за насыпи и пошли к колее, и что шли они не бегом, а тем самым неудобным ходом, ка-

ким ходят с грузом.

Илья следил за людьми. Михаил вёл ногтем по проволоке от нуля выстрела к отметке, полученной у доски. До неё было ещё далеко.

Носильщики дошли до колеи, спустились в неё и пошли по ней. В углублении их не стало видно. Потом над дальним бортиком снова показался груз и исчез за куском стены.

— Прошли, — сказал Илья.

— Считаю, — сказал Михаил.

— Считай.

Носильщики за куском стены были уже не его делом, и он всё равно смотрел туда, куда они ушли. Михаил продолжал вести время. Ноготь миновал отметку доски; вскоре после этого пришёл ответ.

Легло не по колее и не по насыпи.

Легло по удобному углу кладки, где сходились плоскости и где проём читался целиком. Угол закрыло землёй и крошкой. Когда место снова стало видно, плоскости сходились уже иначе. Ответ пришёл по оставленному укрытию; колея осталась в стороне.

Носильщиков на колее в это время уже не было.

Михаил перевернулся на спину и посмотрел туда.

— Они его знали, — сказал он.

— Или выбрали, когда увидели перемену. По месту ответа не различить.

— А ты откуда знал, что угол опасен?

— Я не знал, что ответят именно туда, — сказал Илья.
— Я знал только, что оттуда мне некуда уходить, не занимая проход.

Он лежал на отвале и смотрел на то, что осталось от угла. Земля под ним ехала, и надо было переставить ногу. Носильщики уже были за дальней стеной. Что случилось у зубца, он не видел.

— Идём, — сказал он. — Отсюда тоже уйдём.

Ветров нашёл их у отвала, ниже, где было можно сесть.

Пришёл он не сверху и не по колее, а тем же длинным путём по отвалу. На осыпающемся месте упёрся ладонью в землю, поднялся и дошёл до них.

— Прошли, — сказал он.

— Знаю. Видел, как ушёл груз.

— Донесли всё.

— Обратно пойдут?

— Обратно порожняком, но не сейчас. Сейчас там сидят и пьют.

— Пили бы раньше, — сказал Михаил.

— Раньше было нечего, — сказал Ветров.

— А теперь есть, — сказал Михаил, и на этом разговор кончился.

Ветров сел, достал карту и не стал её разворачивать.

— Угол снесло, — сказал он.

— Снесло.

— Ты там не лежал.

— Не лежал.

— Почему?

— Потому что из угла путь шёл через колею. Пока бы я её освобождал, носильщики стояли бы. Потом на их ход не осталось бы проверенного времени.

Ветров помолчал.

— То есть ты выбрал место по выходу, а не по стрельбе.

— Так.

— И из-за этого стрелял хуже.

— Хуже. Но тёмное вернулось к тому же зубцу. Этого хватило для выстрела.

— А если бы не хватило?

— Тогда я бы не выстрелил, и их повели бы длинным обходом, — сказал Илья. — Вы сами сказали: не всякий выдержит его с грузом. Это цена отказа. Цена удобного угла была другая: я занял бы проход своим отходом и мог оставить их в колее перед ответом.

Ветров смотрел на карту, не разворачивая её.

— Записал?

Илья открыл блокнот. На верхней половине стояла линия, на нижней — счёт, между ними — стрелка. Внизу страницы он поставил отметку времени и дописал: ответ пришёл по удобному углу после прохода; проверять выход раньше позиции.

— Время поставил сразу, — сказал Ветров. — Как я говорил.

— Как вы говорили.

— Что из этого повторяемо?

Илья подумал.

— Порядок, — сказал он. — Сначала выход, потом место. Сначала перемена рисунка, потом счёт. Сначала носильщики, потом всё остальное.

— А что не повторяемо?

— Доска. Та же перемена больше не будет новой.

— Значит, будешь придумывать другую доску.

— Буду.

— Придумаешь — не ставь её сам. Пусть ставит тот, кому потом не стрелять.

— Учту.

— Не учти. Сделай.

— Сделаю.

Ветров встал и загнул угол карты внутрь.

— Тогда следующая работа. — Он сказал это так же, как говорил про носильщиков и срок, без перехода. — Правее, за стеной, похожий промежуток и похожая канава. Там тоже не проходят.

— Такой же?

— На вид такой же, — сказал Ветров. — Пойдёшь смотреть — скажешь, какой на самом деле.

Он ушёл вдоль отвала.

Михаил вытянул проволоку и стал загигать новое колено. В этом месте она уже была перегнута и теперь не хотела ло-

житься иначе.

— Возьми другую, — сказал Илья.

— Эта ещё про сегодня, — сказал Михаил.

Он всё-таки догнул колено и убрал проволоку под обмотку.

Илья закрыл блокнот на строке об оставленном угле. Следующая задача выглядела похожей только на словах Ветрова; на карте для неё пока не было ни линии, ни времени.

Глава 7. Раньше времени

Со вчерашнего дня они смотрели на этот промежуток, и всё в нём напоминало прежний.

Всё стояло почти так же. Слева — насыпь, только ниже. Справа — стена, только длиннее. Посередине лежала канава, вырытая когда-то не для войны, с осыпавшимися краями. Она заменила прежнюю колею: все, кто здесь ходил, уходили по ней вниз.

За промежуток стояла стена с проёмами. У одного из них верхний край был обломан зубцом.

Илья лежал в нише под плитой и смотрел на этот зубец.

Нишу они готовили вчера: вынули из-под плиты кирпич, чтобы можно было лечь, расчистили место под левый локоть и прошли отход при свете, а затем затемно. Отход шёл вниз, под стену, потом вдоль неё в обратную сторону и выводил за насыпь. Он был длинный, закрытый и неудобный, и Илья остался им доволен, насколько этим вообще можно быть довольным.

Никто, кроме них и Ветрова, про нишу не знал.

— Смену поведут к сумеркам, — сказал Ветров, лёжа рядом. — Тех, кто впереди, давно не могут сменить.

— По канаве?

— Другого нет.

— Кто ведёт?

— Не ты. Твоё — проход.

— Срок — сумерки?

— Срок — сумерки. Позже поведут всё равно, но позже

— это в темноте и на ощупь. — Ветров загнул угол карты внутрь. — Цену темноты я тебе называть не буду. Ты её сам знаешь.

— Скажите всё-таки.

— Зачем?

— Затем, что я её потом буду считать. Лучше, если считаем одинаково.

Ветров посмотрел на канаву.

— В темноте пойдут медленнее и кучнее, — сказал он. — Кучнее потому, что в темноте держатся друг за друга. Если по ним положат, положат не по одному.

— Понял.

— Это не всё. Те, кого меняют, уже пересидели свой срок. Лишнее время у них идёт не так, как у нас с тобой.

После постановки задачи Ветров ушёл.

Смена сидела за насыпью, ниже по склону, и сидела давно. Было их столько, сколько было. Разговоры кончились, сон не шёл, снаряжение давно проверили. Оставалось ждать — работа, от которой руки не устают, зато устаёт всё остальное.

Илья спустился к ним перед возвращением в нишу.

— Пойдёте по канаве. В канаве не подниматься. Кто поднялся — тот из канавы вышел, даже если стоит в ней.

— А если сзади напирают?

— Пусть напирают. Наверх не выходить.

Когда пойдут, он им не сказал, потому что не знал.

Кто-то спросил, встретит ли их кто-нибудь там, впереди. Илья сказал, что не знает и этого. Спрашивавший кивнул так, будто получил ответ, и больше никто ничего не спрашивал.

Илья лежал и работал глазом, и работа шла легче, чем позавчера. Он уже знал, что искать: проём, который смотрит вдоль. Это и стало первой ошибкой — порядок поиска пришёл на новое место раньше проверки.

Проём с зубцом на верхнем краю держал канаву вдоль. Она уходила от него прямо и была видна от ближнего осыпавшегося края до дальнего.

Он записал это на верхней половине страницы и подписал, с каких мест смотрел.

Землю он тоже посмотрел. У канавы лежал сухой битый грунт, читавшийся хуже кирпича: светлой изнанки у него не было, после движения он лишь становился чуть другим.

Битые места у краёв канавы тоже напоминали позавчерашние.

Похоже — и всё.

Потом посмотрел на подпись и подумал, что подпись почти такая же, как позавчерашняя, и что позавчера всё кончилось хорошо.

Позже в проёме блеснуло.

У левого края ниже зубца короткая точка появилась и

пропала.

Илья не сказал ничего. Он ждал.

Через время блеснуло ещё раз, там же.

— Блеск, — сказал он.

— Слышу.

— Повторился. У левого края, под зубцом.

Михаил лежал позади и левее. Его взгляд держал канаву и низ, проволока оставалась в руке.

— Блеск — не человек, — сказал он.

— Знаю. Блеск — стекло или мокрое.

— Или металл на осыпи.

— Металл на осыпи не блеснёт дважды в одну точку.

— Блестит, если её качнуло.

Илья не стал спорить, потому что спорить было не о чем: оба были правы, и оба знали, что этого мало.

Он стал ждать тёмного.

Тёмное появилось у левого края проёма, под зубцом, там же, где блесло. Оно постояло и ушло. Илье хватило сходства, чтобы внутри уже назвать это началом прежнего порядка.

— Раз, — сказал Илья.

Михаил не ответил.

— Ты слышал?

— Слышал. Раз.

— Что не так?

— Всё так, — сказал Михаил. — Слишком так.

Он подтянулся ближе и лёг рядом, но смотреть на проём не стал: он смотрел вниз.

— У меня к тебе счёт, — сказал он.

— Говори.

— Позавчера, когда мы поставили доску, ответ пришёл с задержкой. Помнишь?

— Помню.

— Здесь так не отвечают.

Илья повернул голову.

— Здесь ещё никак не отвечали. Мы ничего не делали.

— Мы не делали. До нас по канаве проходили другие. — Михаил повернул проволоку. — Я держал время на каждом движении, которое видел. Ответ приходил сразу.

— Повторялось?

— Повторялось. И ход был тот же.

— И что?

— То, что здесь отвечают коротко. Как та щель у провода. А ты сейчас смотришь на проём и думаешь про позавчерашнее.

— Позавчерашнее — это проём, который смотрит вдоль. Он и здесь смотрит вдоль. Это не думанье, это линия.

— Линия твоя, — согласился Михаил. — Я не про линию. Я про то, что мы этот узел не обкатали.

— Чем обкатывать? Доска у нас была одна и та не наша.

— Придумай другую.

— Времени нет.

— Тогда и уверенности нет.

— У меня линия, повторный блеск и тёмное на том же месте, — сказал Илья.

— Блеск и тёмное у тебя с одного места.

— Что лишнее?

— Ты одному месту дал два имени и считаешь за две опоры. Потому что место тебе нравится.

Илья хотел ответить и не ответил. Отвечать было нечем: одна точка не становилась независимой опорой оттого, что сначала блеснула, а затем потемнела.

— И ставить некому, — сказал он через время. — Ветров сказал: кто ставит, тот потом не стреляет. Если уйдёшь ты, у меня не останется второго взгляда.

— Значит, ставлю я.

— А смотреть кто?

— Вот и я про то.

Илья не ответил.

Он лежал и складывал опоры по-своему. Проём действительно держал канаву вдоль. Блеск повторился, тёмное появилось в той же части. Всё это сходилось на одной точке — и потому не давало независимого подтверждения.

Против готовой схемы стоял счёт Михаила: на этом участке ответ приходил без прежней задержки. Это не показывало, где находится наблюдение и кто передаёт огонь. Оно показывало только, что переносить сюда прошлый ход времени нельзя.

Линия Ильи и время Михаила не опровергали друг друга. Они отвечали на разные вопросы, а Илье под сроком нужен был один ответ.

Он посмотрел, как лёг свет на стену. Полоса света уже уходила; сравнивать её со вчерашней было бессмысленно, вчера эта стена лежала в тени.

До сумерек оставалось меньше, чем нужно, чтобы придумать новую пустую проверку, дожидаться ответа и сверить выводы.

— Если я сейчас начну обкатывать, — сказал он, — смена пойдёт в темноте.

— Пойдёт.

— Ты знаешь, что это значит.

— Знаю не хуже тебя.

— Тогда что ты предлагаешь?

Михаил помолчал.

— Я ничего не предлагаю, — сказал он. — Я говорю, что мы не обкатали. Предлагать тут нечего. Тут или ты берёшь на себя, или мы ждём.

* * *

— Я беру.

— Тогда бери. — Михаил переложил проволоку в другую руку. — Только запомни, что я сказал, а не то, что ты услышал.

Илья лёг плотнее и стал ждать второго появления.

Ждать было нечем. До сумерек оставалось столько, сколь-

ко оставалось, и с каждой минутой это «столько» делалось таким, что обкатывать было уже поздно, а стрелять ещё нет.

Он поймал себя на том, что торопит проём.

Это было худшее из всего, что он сделал за день. Он это заметил, назвал про себя и не перестал.

Тёмное появилось снова, когда свет уже заметно сошёл со стены.

Оно появилось не там.

Не под зубцом, а правее, ближе к середине проёма. На этот раз оно задержалось, и у нижнего края проступило что-то светлее черноты — узкое и ровное.

Илья взял его.

Он взял, как позавчера: подвёл под тёмное, по нижнему краю, и стал держать. Дыхание пошло само.

— Не то место, — сказал Михаил.

— Тот же проём.

— Не то место в проёме.

— Проём один.

Он выстрелил.

Отдача толкнула его назад. Дым пошёл вперёд и сразу вытянулся из сквозной ниши; проём снова открылся почти без задержки.

В проёме было пусто.

Пусто — и всё; пусто было и до тёмного.

— Есть? — спросил Михаил, не поворачиваясь.

— Не знаю.

— Уходим.

* * *

Ответ пришёл раньше, чем Илья успел собрать локоть.

Не после ожидаемого промежутка — сразу. И не с той стороны, откуда Илья его ждал.

Плита над ними приняла удар. Кирпич из-под неё пошёл внутрь, перекрыв приготовленный выход и выбив из ниши пыль.

Следующий разрыв лёг у входа снаружи, и вход стало не видно.

— Вниз! — сказал Михаил. — Не туда! Вниз и назад!

Илья уже шёл вниз. Они заранее проходили этот путь и при свете, и затемно; ноги пошли раньше, чем он решил, куда идти.

Они выкатились из-под плиты в яму, оттуда под стену и поползли в обратную сторону. Над ними прошли разрывы, сверху посыпалась кладка.

Кладка пошла кусками. Один лёг перед Ильёй; тот обошёл его локтями, не поднимая головы.

В одном месте отход был узкий: между стеной и обвалом оставалось ровно столько, чтобы пролезть боком и без винтовки за спиной. Вчера они это место расчищали и расчистили плохо. Илья снял винтовку, протолкнул её вперёд и полез следом.

— Стой, — сказал Михаил.

Они лежали.

Илья видел только землю перед лицом и нижний край стены. Михаил остановил их там, где стена делала неглубокий уступ: дальше путь на короткое время открывался со стороны канавы. Над уступом осыпалась пыль. Они дождались, пока она перестала идти и пока близкий грохот отступил достаточно, чтобы различать отдельные удары.

— Идём.

Они пошли.

За насыпью Илья сел и первым делом осмотрел винтовку. Ложа и ремень были целы, затвор оставался закрыт. Блокнот лежал в застёгнутом кармане. Михаил проверил свою обмотку на проволоке, не разматывая её на виду.

— У тебя?

— Цел.

— Проволока?

Михаил похлопал по обмотке и доставать не стал.

По нише продолжали класть. Потом перестали.

Они выждали и посмотрели с нового места, из-за насыпи.

Плита лежала не так, как утром. Под ней всё засыпало, и расчищенный вход стал склоном.

— Всё, — сказал Михаил.

— Всё.

— Второй раз туда не ляжем.

— Никто туда не ляжет.

Они лежали и смотрели на канаву.

По канаве никто не шёл. Ответ был короткий и злой, и

после такого ответа по канаве никто не идёт, потому что все, кто рядом, слышали, куда и как клали.

Илья поднял ладонь для тех, кто ждал ниже насыпи, и удержал её. Потом показал вдоль земли: проход закрыт. Знак повторили дальше, туда, где его уже не было видно. Никого по канаве не повели. Сама задержка стала первой ценой выстрела, ещё до потери ниши и ночного выхода.

Сумерки пришли и прошли.

Илья остался наверху, у края, откуда была видна канава. Наблюдать уже было нечего, помочь ожидавшим он не мог.

— Иди вниз, — сказал Михаил.

— Пойду.

Он не пошёл.

Смену повели в темноте.

Илья видел только начало: как они собрались за насыпью, как их пересчитали и как первый спустился в канаву. Дальше не было видно ничего, и слышно было мало.

Он передал ведущему тот же порядок, который давал днём: держаться дна, не подниматься из-за напора сзади, останавливаться по переданному знаку. Но ночью каждая команда шла вдоль людей дольше. Илья видел, как первый знак исчез в канаве, а ответный вернулся с опозданием, уже от другого места.

Прошли они не сразу и не все вместе. Часть смены сбилась в темноте и вышла к обрыву стены; людей искали, нашли и вернули, и на это ушло время, которого днём не понадоби-

лось бы вовсе.

Тех, кого меняли, сменили уже в полной темноте.

* * *

Ветров пришёл, когда всё уже кончилось, сел рядом у стены и карту доставать не стал.

— Докладывай.

— До сумерек я выстрелил по проёму с зубцом. До этого видел повторный блеск и тёмное. Результат неизвестен.

— Дальше.

— Ответ пришёл сразу, без задержки, и лёг по нише. Ниша засыпана. Отход прошли по запасному, целы.

— Дальше.

— По канаве после этого днём никто не пошёл. Смену повели в темноте.

— Блеск был?

— Был. Повторился.

— По блеску стрелял?

— Нет. По тёмному.

— Тёмное где было?

— Сначала под зубцом. Потом правее, ближе к середине.

— Значит, в разных местах.

— В разных.

— И ты это видел до выстрела.

— Видел.

Ветров не стал спрашивать, почему он тогда выстрелил. Он подождал, и Илья ответил сам:

— Потому что мне нужно было, чтобы это было то же место.

— Цена?

Илья помолчал.

— Ниша, — сказал он. — Мы её готовили заранее. Другого закрытого места с таким обзором я на участке не нашёл.

— Дальше.

— Время. Смена прошла не в сумерках, а в темноте. Люди сбились, их искали.

— Дальше.

— Дальше то, чего я не могу сосчитать. Те, кого меняли, сидели лишнее. Сколько это стоит, скажут они, а не я.

Ветров кивнул.

— Ниша была не только моя. С неё виден весь промежуток. Взводу она нужна была не под стрельбу, а под смотреть. Теперь взвод смотрит с насыпи, а с насыпи хуже.

— Это ты мне говоришь или себе?

— Вам. Себе я это сказал, когда оттуда лез.

Ветров молчал недолго.

— Зимин.

— Я.

— Ты был против?

— Я не был против, — сказал Михаил. — Я сказал, что мы узел не обкатали, и сказал один раз.

— Почему один?

— Потому что повторить — это спорить, а спорить в это

время нельзя. И потому, что своё у меня было не крепкое: здесь я только видел короткий ответ. Проверить его на этом узле мы не успели.

— То есть ты сам не был уверен.

— Не был. Я был уверен только в том, что мы не проверили.

Ветров повернулся к Илье.

— А ты в чём был уверен?

— В линии, — сказал Илья. — Линия была верная. Проём смотрит вдоль, я проверил его с независимых мест.

— И?

— И линия не про то. Линия говорит, откуда видно. Она не говорит, кто там сидит и как отвечает. Я это знал позавчера и сегодня забыл.

— Почему забыл?

Илья подумал, как ответить коротко.

— Потому что было похоже, — сказал он.

Ветров не сказал на это ничего. Он не сказал ни того, что это бывает, ни того, что так нельзя, и не стал спрашивать, как Илья себя чувствует, и это было лучше всего остального.

— Что меняешь? — спросил он.

— Правило.

— Говори правило.

Илья достал блокнот и положил его на колено.

— Первое, — сказал он. — Похожесть не считается опорой. Она считается основанием проверить, и только.

— Второе.

— Второе — не моё, а его. — Илья не поднял головы. — Зимин говорит «нет» — я не стреляю. Не «мы обсудим», не «я подумаю». Не стреляю.

Ветров помолчал.

— А если он ошибётся?

— Тогда мы не выстрелим там, где надо было выстрелить, и потеряем случай. Случай можно потерять и найти другой. Нишу нельзя.

— А если он скажет «нет» из осторожности, а не по делу?

— Пусть скажет. — Илья дописал строку и провёл под ней черту. — Я не про то, кто прав. Я про то, у кого право.

— Зимин, ты понял, что тебе дают?

— Понял.

— Скажи, что понял.

— Понял, что теперь, если я промолчу, это будет моё, а не его.

— Правильно понял, — сказал Ветров. — С этого часа так. Я закреплю это выше, чтобы не вышло, будто вы между собой договорились.

— Товарищ лейтенант.

— Что?

— Спросят, почему у младшего сержанта отменяет второй.

— Спросят — отвечу. — Ветров не стал объяснять, что именно ответит. — Это моё дело, не твоё.

— Скажите, — сказал Илья.

— И вот ещё. — Ветров встал. — Про блеск.

— Про блеск я знаю.

— Скажи.

— Одна отметка не считается. Ни блеск, ни тёмное, ни то, что похоже на позавчерашнее.

— И ещё, — сказал Ветров. — Позавчерашнее выбрось. Не страницу выбрось, а слово.

— Какое слово?

— «Как позавчера».

— Записал?

— Записал.

Ветров всё-таки достал карту, но разворачивать её целиком не стал. Прижал ладонью край и показал дальше по нему, за знакомый участок.

— Полк перемещается западнее «Красного Октября». На новом месте старая карта почти бесполезна.

— Эта страница тоже?

— Эта особенно. Если понесёшь туда готовый проём, опять найдёшь то, что уже умеешь искать.

— Начинать с пустого листа?

— С местности. Лист после неё.

— А правило отмены?

— Правило понесёшь. Схему оставишь здесь.

Илья закрыл страницу ладонью. На прежнем узле он сохранил бы линии для следующего человека. Здесь переда-

вать было нечего: ниша засыпана, проход состоялся ночью, наблюдаемая точка после выстрела ничего не подтвердила. Оставалось только правило, появившееся из ошибки и годное без этой канавы.

Ветров ушёл вдоль стены, назвав направление и не дав срока на готовый вывод.

Илья остался сидеть.

Михаил сел рядом и вытянул проволоку. Он держал её и не гнул.

— Не гнёшь, — сказал Илья.

— Нечего гнуть. Сегодня я ничего не сосчитал.

— Ты сосчитал, что отвечают коротко.

— Это я раньше сосчитал. Сегодня мы увидели, что старого порядка здесь нет.

Они посидели.

— Ты сказал один раз, — сказал Илья.

— Один.

— Скажи в следующий раз столько, сколько понадобится.

И не спрашивай разрешения.

— Не буду спрашивать.

— И вот ещё. Если я тебе на это отвечу, что времени нет, — ты всё равно говори.

— Скажу, — сказал Михаил. — Времени всё равно не будет. Его тут никогда не будет.

— И вот что ещё, — сказал он потом. — Ты сегодня в нишу лёг, а я в неё не ложился.

— Ты лежал за мной.

— За тобой — это не в ней. На новом месте будем ложиться так, чтобы обоих не накрывало одним.

— Тогда ты меня не услышишь.

— Услышу. Кричать не будем — будем рукой.

Илья открыл блокнот и посмотрел на страницу.

Верхняя половина была заполнена: проём, зубец, линия и места, с которых он смотрел. Всё это было верно и осталось верным. Он не стал ничего вычёркивать.

Внизу, под чертой, он записал: выстрел сделан без независимого подтверждения; узел не обкатан; ниша потеряна; смена прошла в темноте.

Потом отступил и написал ещё одну строку, отдельно, крупно, чтобы её читал не только он:

отмена — за вторым. Второй говорит «нет» — стрелок не стреляет и не спорит.

Он посмотрел на строку, подержал над ней карандаш и ничего к ней не добавил.

Позавчера, после хорошего дня, этой строки на странице не было. Он перелистнул назад и проверил: не было.

Внизу, у канавы, было темно и тихо, и никто по ней не шёл.

Глава 8. Новая линия

Их перевели ночью, и к шести они уже лежали в незнакомом месте.

Шли всю ночь и сначала пришли не туда: провожатый дошёл до какого-то угла, сказал «здесь» и ушёл, а «здесь» оказалось не тем углом. Уже в темноте их отвели в сторону. Илья не стал выяснять, чья это была ошибка. Он спросил только, окончательное ли место, и получил подтверждение.

Незнакомое место было ровно тем же самым: битый кирпич, кладка, пыль в воздухе, — и всё-таки другим. Здесь под ногами были рельсы. Они лежали не на насыпи, а вровень с землёй, вдавленные в неё и засыпанные до половины, и шли они от разбитой стены куда-то вправо, и на середине двора одна пара уходила в сторону от другой.

Михаил присел над этим местом и посмотрел на него дольше, чем следовало смотреть на кусок железа.

— Стрелка, — сказал он.

— Что стрелка?

— Тут пути расходятся. Тяга оборвана, перо стоит намертво. — Он потрогал носком. — Стояло так до нас и будет стоять после.

— Тебе от этого что?

— Мне от этого то, что оно не переменится, — сказал Ми-

хаил. — Всё тут переменится, а это нет.

Ветров пришёл вскоре после них и лёг рядом с Ильёй. Михаил уже устроился отдельно, левее, за обломком.

— Мы теперь западнее завода, — сказал Ветров. — По доступной сводке здесь отмечены наш, двести сорок первый, и соседний, сто шестьдесят первый. Между нами стык; точной линии сводка не даёт.

— Стык где?

— Тебе не нужно. Тебе нужно, что он есть.

— Мне нужно, где он, — сказал Илья. — Не для карты. Для того, чтобы я не принял соседа за чужого и не написал про него в записи.

Ветров задержал ответ и показал ладонью — примерно, не пальцем.

— Там.

— Понял.

— Что ты ещё понял?

— Что я знаю, где полк и где сосед, и больше ничего не знаю. — Илья открыл блокнот на чистой странице. — Всё, что я знал вчера, было про южный участок. Оно верно и осталось верным, только оно не про здесь. Здесь у меня пусто.

— Совсем пусто?

— Совсем. Кроме одного.

— Кроме чего?

— Кроме порядка, в каком я буду это заполнять.

Ветров загнул угол карты внутрь.

— Завтра связистам нужен будет проход, — сказал он. — Провод здесь рвёт, как и там, только повреждения разнесены, и связисты уже сказали, что ходить туда днём нельзя.

— Они правы?

— Не знаю. Затем ты мне и нужен.

— Срок?

— Запись к утру. Не к вечеру, а к утру, чтобы я успел прочитать её и задать тебе вопросы до того, как связистам идти.

— Будет к утру.

— И вот ещё. — Ветров помолчал, и стало ясно, что сейчас он скажет про позавчера. — Выше я доложил.

— Про отмену?

— Про отмену. Спросили, зачем.

— Что вы ответили?

— Я ответил, что это ваше внутреннее и что за результат отвечаете вы двое. — Ветров сложил карту. — Возражать не стали.

— Ещё что-нибудь спросили?

— Не тебе. — Ветров посмотрел вдоль двора. — Спросили, не станешь ли ты теперь оправдывать каждый отказ прошлой ошибкой.

— И?

— И я сказал, что не знаю. Сегодня проверю.

Илья не стал спрашивать, чем он собирается это проверять.

Илья не стал ни благодарить, ни объяснять, ни обещать, что позавчерашнее больше не повторится. Он посмотрел на страницу и написал сверху дату.

Под датой он оставил пустую строку. В прошлый раз дописывать пришлось внизу, поперёк уже написанного.

* * *

Точек они выбрали две и искали их долго.

Первая была для Ильи: угол между плитами, сложившимися домиком. Там было низко и тесно, зато из-под края открывался двор, а назад уходил закрытый лаз. Илья лёг, провёл винтовку вдоль щели и затем повторил выход без неё.

— Здесь, — сказал он.

— Почему здесь?

— Вижу двор и могу уйти, не пересекая рельсы.

— А если край посыплется?

— Уйду низом. Проверь оттуда.

Михаил обошёл угол по закрытой стороне, посмотрел на лаз и вернулся.

— Выход есть, — сказал он. — Но руку твою отсюда не видно.

— Не моя рука нужна. Твоя, с твоей точки.

Вторую точку, для Михаила, они искали дольше.

Михаилу требовался обзор двора, стрелки и подходов, отдельное укрытие и прямая сигнальная связь с Ильёй.

Двор и подходы сходились быстро. Связь между ними не сходилась: лучший обзор полностью прятал Михаила от

Илья.

— Придётся кричать, — сказал Михаил.

— Кричать нельзя.

— Тогда придётся не видеть.

— Не видеть тоже нельзя.

Они продолжили искать и нашли худший, но связанный угол. Стрелка и подходы оставались открыты Михаилу, вынесенная из-за обломка рука — Илье.

— Хватит руки? — спросил Илья.

— Хватит, если договоримся, что она значит.

Договаривались они не спеша.

— Рука вниз — иди, — сказал Михаил. — Это старое, это они уже знают.

— Это для носильщиков. Для меня другое.

— Для тебя другое, — согласился Михаил. — Рука поперёк — нет.

— Поперёк чего?

— Поперёк меня. Вот так. — Он показал: ладонь ребром, поперёк тела, неподвижно. — Не машу, не зову. Просто держу.

— Сколько держать?

— Пока ты не уберёшь палец.

— А если я не увижу?

— Тогда я держу и не убираю. А ты не стреляешь: ты будешь смотреть на меня перед тем, как взять. Всегда.

Илья помолчал.

— Всегда — это перед каждым выстрелом.

— Перед каждым.

— Это лишнее движение головой.

— Это лишнее движение головой, — сказал Михаил. —

И оно теперь в порядке.

— В порядке, — сказал Илья.

— И ещё одно, — сказал он потом. — Отмену на месте не обсуждаем.

— Совсем?

— Совсем. Разбираем после, когда уйдём. На месте я не спрашиваю почему, ты не объясняешь.

— А если я держу зря?

— Тогда я тебе после скажу, что зря. Но не там.

Михаил выдержал паузу.

— Так лучше, — сказал он. — Иначе я буду держать и заодно придумывать, что тебе отвечать.

Он записал это отдельной строкой и прочитал вслух. Михаил повторил своими словами; они вышли другими, и Илья переписал строку так, как сказал Михаил, потому что читать её в деле будет не он один.

Потом Михаил проверил, действует ли договор.

Он сделал это без предупреждения, когда Илья уже увлёкся дальним краем двора.

Из своего угла Илья мог подняться к верхней плите и одним взглядом проверить дальний край, закрытый снизу. Он уже подобрал ногу.

Рука Михаила легла поперёк.

Илья замер и посмотрел на неё.

Рука держалась.

Он подождал, потом убрал ногу и лёг обратно. Спрашивать, ползти в обход или делать вид, будто знака не было, он не стал.

Рука ушла.

Михаил приполз к нему позже, низом.

— Ты почему не пошёл?

— Ты сказал нет.

— И всё?

— И всё.

— Ты даже не спросил почему.

— Спрошу сейчас. Почему?

— С той плиты тебя видно снизу, из-под самой стены, — сказал Михаил. — Не сверху, а снизу. Ты бы туда лёг и был бы весь на светлом.

— Я туда смотрел с земли. Оттуда не видно.

— С земли не видно, а из-под стены видно. Я туда ходил, пока ты примеривался.

Илья кивнул.

— Значит, работает, — сказал Михаил.

— Работает.

— Я проверял.

— Я понял, что проверял.

— И как тебе?

— Плохо, — сказал Илья. — Я лежал и думал, что ты ошибся.

— А если бы я ошибся?

— Тогда я бы лежал зря. Это дешевле ниши.

* * *

Двор они читали дальше, не меняя выбранных точек.

Илья вёл линии иначе, чем раньше: сначала выходил на те места, откуда придётся идти связистам, ложился там и смотрел вверх — что держит этот участок, — и только потом искал возможную точку наблюдения. Так выходило медленнее и приходилось больше ползать, зато лишнего он почти не отмечал.

Провод шёл через двор наискось, местами лежал на земле, местами на обломках. Повреждения были разнесены от стрелки до дальнего края. Илья записал это первым, но причины не приписал: разнесённость сама по себе ничего не говорила о том, сколько мест держат под наблюдением.

Он обошёл не сами разрывы, а закрытые точки, откуда виден каждый участок провода. Ходить приходилось низом и в обход.

У стрелки земля была бита свежо: крошка лежала поверх пыли.

В середине двора следы были старше.

Под дальним обломком Илья не разобрал ничего: кирпич там лежал вперемешку, верхний слой натаскали позже.

Он записал участки отдельно и рядом с каждым поставил,

насколько этому верит.

На верхней половине страницы появились линии; одна стала толще других.

Толще была та, что вела к проёму в стене напротив.

Проём этот было видно сразу, и видно его было отовсюду. Он стоял высоко, был широкий и светлый внутри — не чёрный, как соседние, а серый, будто за ним было ещё окно и сквозь него шёл свет. У левого края лежало что-то, что давало короткий блик, когда свет поворачивался.

— Ты его видишь? — спросил Илья, когда Михаил подполз.

— С тех пор, как легли, вижу.

— И что скажешь?

— Пока ничего. Считаю.

Позже в проём вышло тёмное.

У левого края оно постояло и ушло.

— Раз, — сказал Илья.

Через время тёмное вернулось туда же.

— Два, — сказал Илья.

— Три будет после такого же промежутка, — сказал Михаил.

Илья повернул голову.

— Что?

— Три будет. Или я ошибся в порядке.

— Ты откуда знаешь?

— Я не знаю. Я считаю с начала наблюдения. — Михаил

вынул проволоку и показал её: сгибы лежали через равные промежутки. — Оно показывается ровно. Через одно и то же.

— Люди так не ходят.

— Люди так не ходят, — сказал Михаил. — Так ходят поезда.

Илья лежал и смотрел на проём.

Проём был хорош настолько, что Илья поймал себя на том, что уже прикинул, откуда его брать и как лечь пониже.

Он остановился на этом и повернулся к линиям.

— Смотри сюда, — сказал он. — Провод повреждён у стрелки, в середине двора и под дальним обломком.

— Вижу.

— Теперь смотри, что видно из этого проёма.

Он показал на странице: из проёма были видны середина двора и дальний обломок. Стрелка — нет. Стрелку закрывал свес, оставшийся от крыши, и свес этот шёл поперёк, и закрывал он не кусочек, а всю стрелку и подходы к ней.

— И что?

— То, что у стрелки есть свежий разрыв. Я смотрел на это место с земли: там бито недавно.

— Значит, из светлого проёма стрелку не держат.

— Оттуда не виден ни путь к стрелке, ни само перо, — сказал Илья. — Свес закрывает всё.

Михаил помолчал.

— Тогда у нас два, — сказал он. — Твоё: он не видит

стрелки. Моё: он показывается по расписанию.

— Два, и оба против него.

— Оба против.

После отмеченного Михаилом промежутка тёмное вернулось.

Илья перевёл взгляд на Михаила. Рука лежала поперёк заранее, ещё до выхода тёмного.

Илья опустил руку с цевья.

Он лежал и смотрел, как тёмное стоит у левого края. Видно его было хорошо: оно задержалось и не пряталось.

Пальца на спуске он не оставил. Он снял руку совсем и положил её на кирпич: рука, лежащая на кирпиче, не сделает того, чего не решила голова.

Оно стояло долго. Дольше, чем нужно человеку, которому есть что делать.

Потом ушло.

Рука Михаила ушла тоже.

Илья лежал ещё какое-то время, пока не отпустило под рёбрами, и только после этого пополз к Михаилу.

— Ты держал заранее, — сказал он.

— Держал.

— Почему заранее?

— Потому что если держать, когда ты уже взял, ты сначала возмёшь, а потом посмотришь. А человек, который уже взял, смотрит хуже.

— Это ты сейчас придумал?

— Это я здесь придумал, — сказал Михаил. — Пока ты примеривался на плите.

Илья записал и это.

— Скажи мне про него, — сказал он. — Своими словами.

— Он там не работает, — сказал Михаил. — Он там пока-
зывается. Кто работает, тот меняется вместе с двором. Этот
выходит через равный промежуток и стоит одинаково.

— Тогда зачем он там?

— Затем, чтобы по нему кто-нибудь выстрелил.

— Это уже догадка.

— Догадка, — согласился Михаил. — Я её и говорю как
догадку. Но не стрелять по нему я тебе сказал не из-за неё.

— А из-за чего?

— Из-за того, что он не видит стрелки. Это твоё, не моё.

Позже они получили ещё одну доступную проверку, не
устраивая её сами.

По двору шёл человек, державшийся низом вдоль рель-
сов. У стрелки он задержался: перо стояло намертво, через
него требовалось перешагнуть.

Он перешагнул.

Ударило.

Легло у стрелки, коротко и сразу. Человек укрылся за пе-
ром, затем пополз назад; повторного огня не последовало.

Илья смотрел не на него.

Он смотрел на проём.

В проёме было пусто.

— Пусто, — сказал он.

— Пусто, — сказал Михаил из своего угла. Голос дошёл негромко.

— Значит, не он.

— Значит, не он.

Илья отполз туда, откуда упавший был виден лучше, и посмотрел, дошёл ли тот до укрытия. Дошёл. Дальше за него отвечали не они.

Илья лежал и смотрел на свес, закрывавший стрелку, и на то, что было ниже свеса: там кладка шла до земли и в ней ничего не читалось.

Он записал в верхнюю половину: движение у стрелки получило быстрый ответ; из светлого проёма стрелка не видна; светлый проём не подтверждён как узел. Потом отступил и приписал: где узел, не найдено.

Он посмотрел на эту строку и не стал её сглаживать.

Михаил переполз к нему со своей проволокой. Илья развернул блокнот поперёк, чтобы страница была видна обоим.

— У тебя что осталось после прохода?

— Проём был пуст, когда легло у стрелки. Потом тёмное вернулось через прежний промежуток.

— Значит, движение у стрелки его порядка не меняет.

— Этого я не говорил. Я говорю только, что перемены не отметил.

Илья провёл между записями свободную черту.

— Твоё время отдельно. Моя линия отдельно.

— А вывод?

— Вывод общий: светлый проём не подтверждён. Если одна запись окажется ошибкой, другая останется со своим пределом.

— И узел всё равно не найден.

— Не найден.

Михаил положил проволоку вдоль своей строки, сверил сгибы и убрал её. Илья не стал делать общий знак толще. Для связистов важнее было различать основания отказа, чем видеть уверенность пары.

* * *

Ветров пришёл, пока свет ещё держался, и лёг рядом.

Пришёл он не с той стороны, откуда его ждали, и по дороге мимо стрелки прошёл не ближе, чем следовало. Илья это отметил и ничего не сказал.

— Что у тебя?

— Ничего не сделано, — сказал Илья.

— Это я и сам вижу. Что у тебя есть?

Илья повернул к нему блокнот.

— Повреждения разнесены. У стрелки след свежий, дальше старше, под дальним обломком я ничего не разобрал. Сколько причин — не знаю.

— Дальше.

— Доступный проход у стрелки получил быстрый ответ. Повторения у меня нет, общего правила из этого не делаю.

— Дальше.

— Вон тот светлый проём — самый заметный на этой стене. Из него не видна стрелка: закрывает свес. Тёмное там показывается через одинаковые промежутки с начала наблюдения.

— Кто считал?

— Зимин.

— С начала?

— С начала.

Ветров посмотрел на страницу, потом на стену, потом опять на страницу.

— Ты по нему не стрелял.

— Нет.

— Почему?

— Потому что из светлого проёма не видна стрелка. И потому, что Зимин сказал нет.

— В каком порядке?

Илья задержал ответ.

— Линия уже требовала отказа. Его «нет» остановило бы меня и против линии.

— А если бы он сказал нет, а линия была бы за выстрел?

— Тогда бы я не выстрелил, — сказал Илья. — Так уговорено.

— И тебе бы это не понравилось.

— Не понравилось бы.

Ветров сложил карту и загнул угол внутрь.

— Что связистам? — спросил он.

— Связистам вот что. Днём к стрелке не ходить: доступный проход получил быстрый ответ из места, которого мы не нашли. Остальные повреждения безопасными не считать — по ним у нас нет проверки.

— «Безопасными не считать» — это запрет. Что делать там, где работать всё равно придётся?

— Идти стороной от провода и выходить к нему только у повреждения. Перед открытым местом ждать нашего знака; если знака нет, возвращаться тем же закрытым ходом. Это не обещание безопасности, это порядок при неполной записи.

— Дальше.

— Это всё?

— И последнее — светлый проём. По нему не стрелять. Из него не видна стрелка, тёмное показывается ровно; зачем — мы не знаем.

Ветров не стал превращать догадку о приманке в распоряжение.

— Перепиши мне это, — сказал он. — На клочок, как в тот раз. Только теперь не мне одному: связистам тоже. И так, чтобы они прочитали без тебя.

— Перепишу к утру.

— И вот что. Напиши им не то, что ты знаешь. Напиши то, что им делать.

— Это разное?

— Разное. Ты знаешь про свес и про расписание. Им от свеса ни холодно ни жарко. Им надо: сюда не ходи, сюда ходи

так.

— А если спросят почему?

— Тогда придёшь и объяснишь. — Ветров сложил карту.

— Но сначала пусть прочтут, что делать.

— К утру. — Ветров встал и не сразу пошёл. — Берестов.

— Я.

— Сегодня ты мне ничего не сделал.

— Так.

— И записал ты в конце, что узла не нашёл.

— Записал.

— Не убирай эту строку. — Он сказал это без нажима, тем же голосом, каким спрашивал про сроки. — Уберёшь — я тебе поверю больше, чем надо.

— Не уберу.

— И связистам её перепиши тоже.

— Им она зачем?

— Затем, что они пойдут, а я останусь. Пусть знают, чего мы не знаем.

Он ушёл за ближнюю стену ждать чистовую запись.

Илья сидел и переписывал.

Переписывать было долго. Илья несколько раз останавливался и вычёркивал слово, потому что оно годилось для него и не годилось для того, кто пойдёт с этим клочком в кармане.

Михаил переполз к нему, пока двор ещё был виден, и сел рядом.

— Показывался ещё, — сказал он. — Через тот же про-

межуток.

— Записывай.

— Я записал.

— Сам записал или мне сказать?

— Сам. Я теперь и словами могу, если ты потом переписешь.

— Перепишу.

Он показал проволоку. Сгибов стало больше, они по-прежнему лежали через равные промежутки. Илья посмотрел на них дольше, чем требовалось.

— Ровно, — сказал он.

— Ровно.

— Люди так не ходят.

— Я это уже говорил, — сказал Михаил.

— Говорил. Я повторяю, чтобы записать твоими словами, а не своими.

Он дописал строку и закрыл блокнот.

К пяти чистовой клочок лежал у Ветрова поверх карты. Он прочитал его сначала молча, потом вслух — только команды для связистов и строку о пределе знания.

— Узла не нашли, — сказал он.

— Не нашли.

— Строка осталась.

— Осталась.

Ветров загнул угол карты внутрь и убрал клочок отдельно. Двор ещё был виден. Светлый проём оставался заметнее

других, но винтовка Ильи так и пролежала у края плиты без выстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.